

ISSN Print 2413-5291

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111

Ежемесячный научный журнал Том 1 №111 / 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и

безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей, кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и

менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru
Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна
Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

<i>Игнатьева М.А., Дулаева Е.В., Кравцова О.Н., Ефимкова Е.Б.</i> ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ВАКЦИНАЦИИ СРЕДИ БЕРЕМЕННЫХ.....	6
<i>Логинов В.В.</i> ПЕРВИЧНАЯ ТОКСИКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НЕКОТОРЫХ НЕИОНОГЕННЫХ ПОВЕРХНОСТНО-АКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	12

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

<i>Mohammadi M.J.</i> COMPETITION BETWEEN IRAN AND ISRAEL IN MIDDLE EAST AND IT'S IMPACT ON AFGHANISTAN'S NATIONAL SECURITY	15
<i>Бурлака Е.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧУВСТВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СПОСОБНОСТИ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ	22
<i>Пишхачева Ф. Х.</i> БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ГИПОТЕЗА ПРАРОДИНЫ ДЛЯ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХ И СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ: «КОНКУРЕНЦИЯ» В СВЕТЕ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	25

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 13058

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ВАКЦИНАЦИИ СРЕДИ БЕРЕМЕННЫХ.

Игнатьева М.А.*ГБУЗ МО МОНИИАГ им. акад. В.И. Краснопольского,
Россия, Москва***Дулаева Е.В.***ГБУЗ МО МОНИИАГ им. акад. В.И. Краснопольского,
Россия, Москва***Кравцова О.Н.***ГБУЗ МО МОНИИАГ им. акад. В.И. Краснопольского,
Россия, Москва***Ефимкова Е.Б.***ГБУЗ МО МОНИИАГ им. акад. В.И. Краснопольского,
Россия, Москва*

IMMUNIZATION ADHERENCY AMONG PREGNANT WOMEN

Ignatieva M.A.*V.I. Krasnopol'sky Moscow Regional Research Institute of Obstetrics and Gynecology,
Russia, Moscow***Dulaeva E.V.***V.I. Krasnopol'sky Moscow Regional Research Institute of Obstetrics and Gynecology,
Russia, Moscow***Kravcova O.N.***V.I. Krasnopol'sky Moscow Regional Research Institute of Obstetrics and Gynecology,
Russia, Moscow***Efimkova E.B.***V.I. Krasnopol'sky Moscow Regional Research Institute of Obstetrics and Gynecology,
Russia, Moscow***DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111.990**

Вакциноуправляемые заболевания, такие как грипп и COVID-19, при отсутствии своевременной иммунизации, могут являться причиной развития акушерских и перинатальных осложнений. Однако, охват вакцинацией беременных в России и в мире недостаточно высок. В статье представлен анализ опроса 244 пациенток с целью поиска основных проблем приверженности иммунопрофилактики. На основании опроса были сделаны выводы о том, что все основные проблемы, препятствующие повышению охвата вакцинацией беременных, способны решить акушеры-гинекологи. Представлены основные пути решения данных проблем с целью достижения высокого уровня охвата иммунизацией беременных, позволяющего контролировать заболеваемость.

Vaccine-preventable diseases, such as influenza and COVID-19, in the absence of timely immunization, can cause the development of obstetric and perinatal complications. However, vaccination coverage of pregnant women in Russia and in the world is not high enough. The article presents an analysis of a survey of 244 patients in order to find the main problems of adherence to vaccination. Based on the survey, it was concluded that all the main problems preventing an increase in vaccination coverage of pregnant women can be solved by obstetricians and gynecologists. The article presents main ways to solve these problems in order to achieve a high level of immunization coverage of pregnant women, allowing to control the incidence of diseases.

Ключевые слова: вакцинация, вакциноуправляемые заболевания, грипп, коклюш, новая коронавирусная инфекция.

Key words: vaccination, vaccine-preventable diseases, influenza, pertussis, COVID-19.

Сокращение числа вакциноуправляемых заболеваний является одной из основных задач общественного здравоохранения, особенно сегодня, после пандемии COVID-19.

В XX в. произошли три пандемии гриппа, унесшие жизни десятков миллионов людей. В 2020 году началась пандемия коронавируса SARS-CoV-2. По состоянию на 2024 год в мире зарегистрировано более 775 миллионов случаев

заболевания COVID-19 и свыше 7 миллионов смертельных исходов, что делает эту пандемию одной из самых смертоносных в истории. Оба этих заболевания относятся к острым респираторно-вирусным инфекциям (ОРВИ) и являются вакциноуправляемыми.

Большинство вакциноуправляемых заболеваний, при отсутствии своевременной иммунизации, наносят серьезный вред

беременным, новорожденным и младенцам. Следовательно, некоторые живые вакцины рекомендуются к применению на этапе прегравидарной подготовки (например вакцина против кори, паротита, краснухи, вакцина против ветряной оспы), а некоторые инактивированные вакцины, такие как сезонная вакцина против гриппа и вакцина АКДС (вакцина против столбняка, дифтерии, коклюша) во время беременности [1][2][3].

Вакцинация против гриппа рекомендуются во время каждой беременности, в первую очередь для профилактики осложнений, связанных с гриппом у самих беременных, плодов и новорожденных, и у женщин в послеродовом периоде [4][5].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендует вакцинацию беременных против гриппа с 2005 года, но большинство стран, в том числе Европейских, ввели сезонную вакцинацию для этой группы населения только после пандемии гриппа H1N1 в 2009 году [6][7]. Исследования охвата иммунопрофилактики гриппа среди беременных в РФ в 2023 году составило менее 25%, что является низким показателем [8].

По этой причине исследования, оценивающие охват вакцинацией, а также настрой и готовность беременных вакцинироваться, необходимы, даже если они ограничены одной больницей, областью или регионом страны, но до сих пор в литературе можно найти лишь несколько исследований такого рода.

Основными причинами того, что иммунопрофилактика среди беременных внедряется медленно, является недостаточная осведомленность и сомнения врачей, а поэтому и женщин, в безопасности вакцинации для беременной и плода. При анкетировании медицинских работников оказалось, что, несмотря на понимание опасности гриппа во время беременности для матери и ребенка (87% анкетированных) и знание необходимости вакцинации против гриппа (50% анкетированных),

вакцинацию рекомендовали только 33% медработников [9]. Неопределенность среди врачей также может быть обусловлена отсутствием опыта по ведению беременных женщин и недостаточной информированностью о последних рекомендациях по вакцинации. Неопределенность среди беременных женщин также может быть связана с отсутствием информации о важности вакцинации во время беременности, а также причислением себя к группе низкого риска.

В настоящее время иммунопрофилактика беременных должна рассматриваться как необходимая составляющая ведения беременности не только эпидемиологами, педиатрами, но и акушерами-гинекологами, тем не менее, лишь немногие врачи в нашей стране ее рекомендуют. Учитывая вышесказанное, именно врачу акушеру-гинекологу должна отводиться серьезная роль в подготовке и проведении вакцинации беременных [10][11].

С целью решения задачи о преодолении барьеров и снижении риска присоединения акушерских и перинатальных осложнений у невакцинированных пациенток был проведен поиск основных проблем приверженности иммунопрофилактики.

В ходе исследования было опрошено 244 пациенток, родоразрешенных в ГБУЗ МО МОНИИАГ имени академика В.И. Краснопольского и Сергиево-Посадском областном Центре материнства и детства в период с 2020 по 2021 гг.

Почти половина опрошенных женщин (рис. 1), 108/244 (44%), не имели представления о принципах иммунизации во время беременности. Из тех, кто был осведомлен, большинство заявили, что «вакцинация опасна во время беременности» 85/136 (63%), по сравнению с считающими, что «вакцинация важна для профилактики осложнений» 19/136 (14%). Только 5/136 (4%) назвали ее «важной государственной программой».

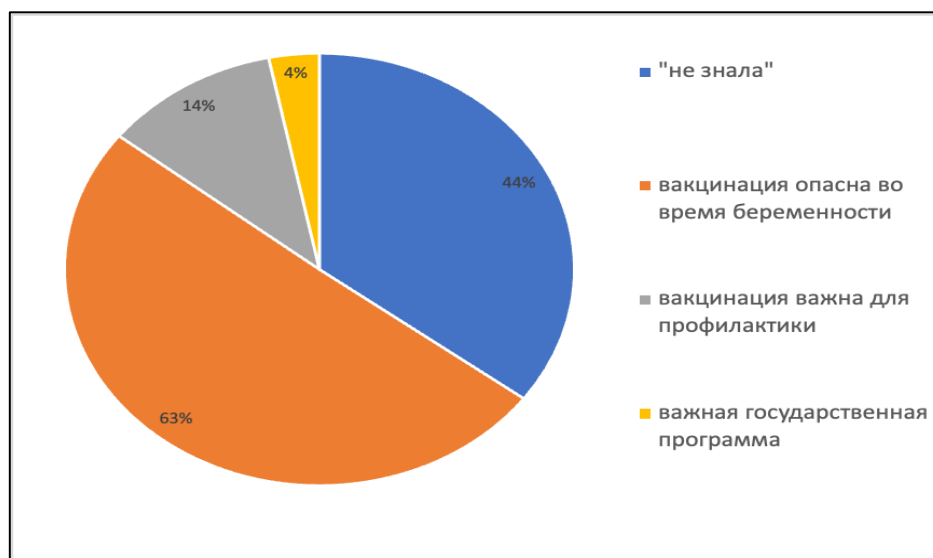

Рис. 1. Понимание участниками вопроса о вакцинации беременных.

Также треть опрошенных 79/244 (32%) не были уверены, что собой представляет заболевание COVID-19. Однако, большинство (83%) все же считали, что это серьезная болезнь, тогда как 3% воспринимали COVID-19 как миф. Почти треть женщин (71/244, 29%) не знали, как распространяется COVID-19; остальные считали, что он распространяется через инфицированные поверхности - 53/173 (31%), воздух - 29/173 (17%) и выделения при кашле/чихании - 91/173 (53%)

(рис.2). Наиболее частыми симптомами COVID-19 опрошенные считали: слабость (73%), лихорадку (32%), кашель (26%), боль в горле (13%) и затрудненное дыхание (29%); в то время почти каждая пятая (21%) считала, что течение НКИ бессимптомное (рис.3). Многие среди опрошенных 165/244 (68%) считали, что пандемия COVID-19 не повлияла на их образ жизни и течение беременности.

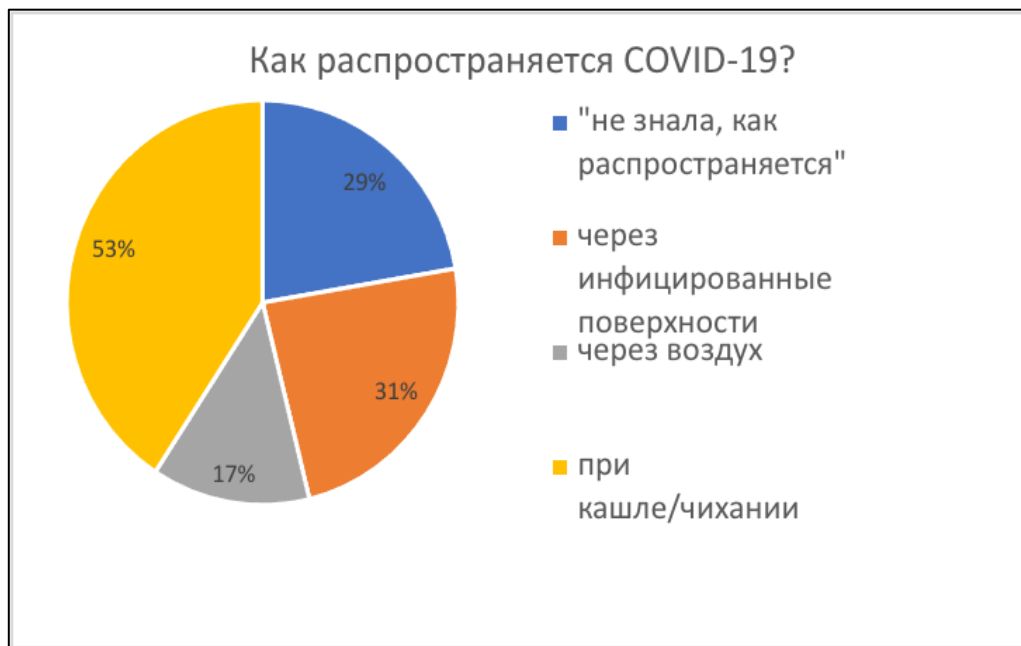

Рис. 2. Осведомленность о путях передачи COVID-19.

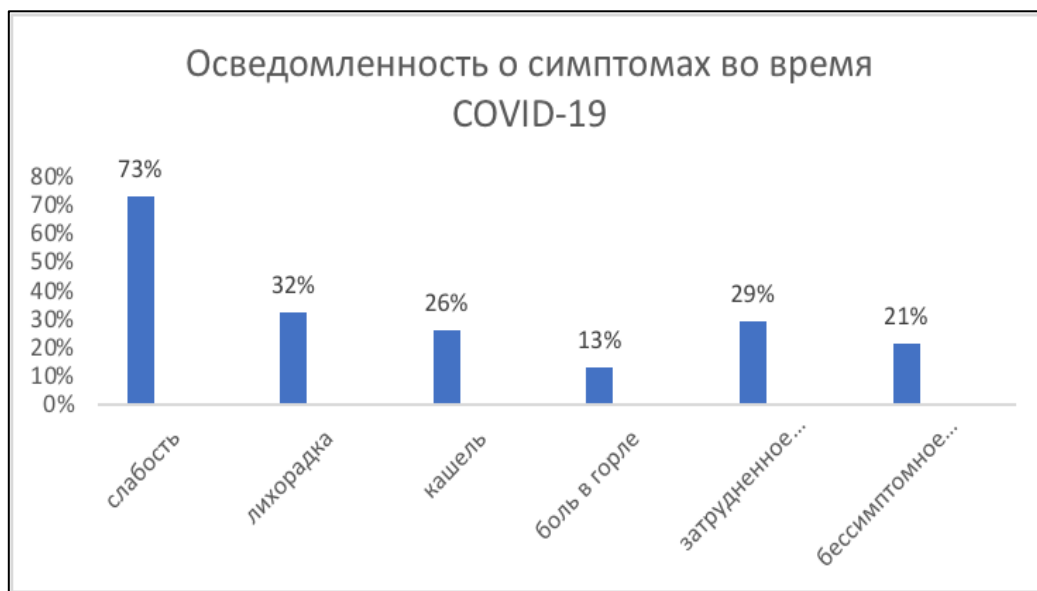

Рис. 3. Осведомленность о симптомах COVID-19.

Факторы, положительно повлиявшие на уровень вакцинации против COVID-19 среди обследованных пациенток.

Наиболее часто упоминаемыми мотивационными факторами (рис.4) при

проведении вакцинации среди опрошенных стали рекомендации врачей (29%, 32/109), требования работодателя (52%, 57/109), личная приверженность к вакцинации (14%, 15/109) и другие причины (5%, 5/109).

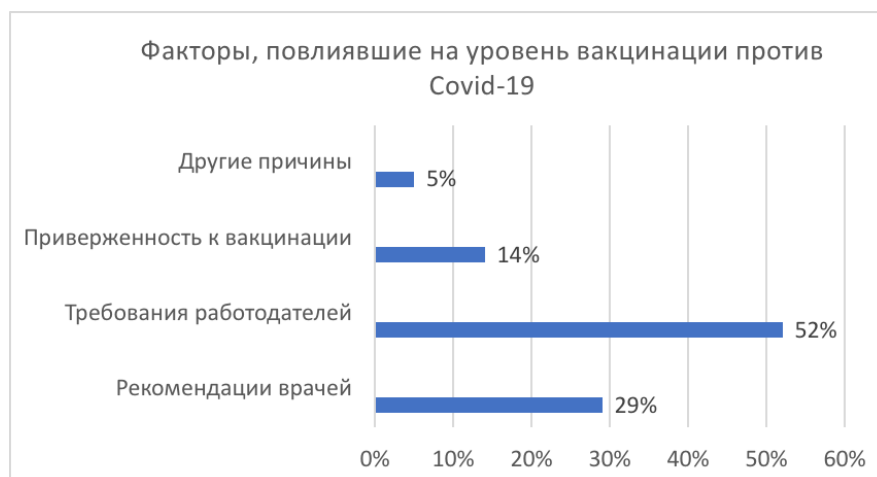

Рис. 4. Факторы, положительно повлиявшие на вакцинацию против COVID-19.

Факторы, отрицательно повлиявшие на уровень вакцинации против COVID-19. Основными причинами отказа от вакцинации (рис.5) были: планирование и/или наличие

беременности (31/135, 23%), страх перед вакцинацией (51/135, 37%), отсутствие информации о безопасности вакцинации (36/135, 27%), другие причины (17/135, 13%).

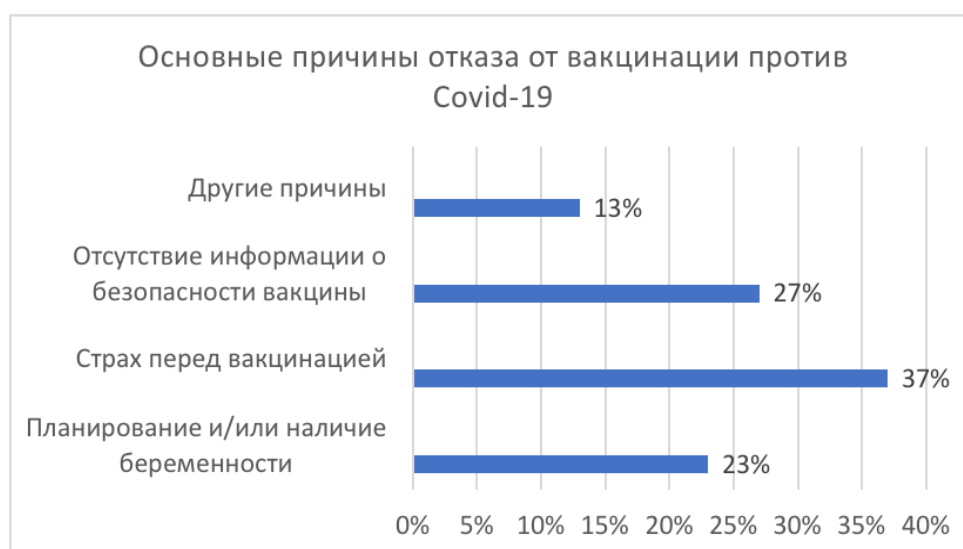

Рис. 5. Причины отказа от вакцинации против COVID-19.

Осведомленность о других возможных программах вакцинации (грипп, коклюш, пневмококк, менингококк).

В целом, осведомленность о других возможных программах вакцинации во время беременности (рис.6) среди опрошенных пациенток крайне низкая. Большинство участников исследования (216/244, или 88,5%) не были

осведомлены о существовании данных вакцин, включая информацию из таких источников, как телевидение, социальные сети и консультации с врачами. На вопрос о серьезности заболевания гриппом во время беременности 157 (64%) ответили, что это неопасно, 16 (7%) посчитали, что это очень серьезно, 71 (29%) затруднились ответить (рис.7).

Рис. 6. Осведомленность о программах вакцинации во время беременности.

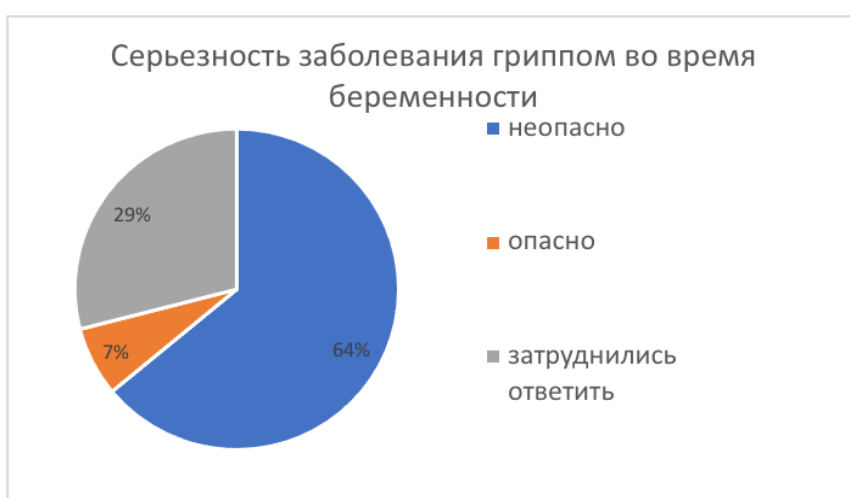

Рис. 7. Серьезность заболевания гриппом во время беременности.

Анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы. Трудности, которые возникают в вопросах вакцинации беременных, нередко обусловлены убеждениями среди населения о несерьёзности гриппа как заболевания. Важно отметить, что большинство беременных недостаточно осведомлены о симптомах, тяжести течения COVID-19 и путях его распространения, несмотря на общедоступную информацию о данном заболевании в пандемию. Очень важным моментом является усиление факторов, положительно влияющих на вакцинацию. Несмотря на то, что ведущей мотивацией являлось «требование работодателя», далее идут такие важные аспекты, как «рекомендации врачей» и «приверженность вакцинации», на которые могут повлиять врачи. Анализируя факторы, отрицательно повлиявшие на вакцинацию, обращает на себя внимание тот факт, что после общераспространенного «страха перед вакцинацией» следуют «отсутствие информации о вакцинации» и «планирование/наличие беременности», что возможно объединить в фактор, на которые также могут повлиять врачи. Анализ неосведомленности о других программах

вакцинации также демонстрирует недостаточную информированность беременных.

Все эти проблемы способен решить только акушер-гинеколог, ведущий данную беременность, с этой целью необходимо:

- Наладить психологический контакт с пациентом;
- В убедительной форме раскрыть информацию о серьёзности гриппа и COVID-19 как тяжёлого инфекционного заболевания;
- Разъяснить, что вакцинация во время беременности приводит к сокращению числа госпитализаций и смертельных случаев среди беременных;
- Акцентировать на отсутствие безопасных для беременных противовирусных химиопрепаратов против гриппа;
- Убедить в безопасности современных субъединичных и сплит вакцин как для женщины, так и для плода;
- Регулярно оценивать вакцинальный статус беременных;
- Женщинам, которые беременны или планируют беременность во время сезона гриппа, рекомендовать вакцинацию во II и III триместрах, при высоком риске инфицирования - и в I

триместре;

- Во время беременности могут быть также рекомендованы прививки от коклюша, дифтерии и столбняка, а также другие вакцины в зависимости от возраста пациентки, предшествующей иммунизации, сопутствующих заболеваний, факторов риска и эпидемиологической обстановки;

- Объяснить, что эффект вакцинации против гриппа во время беременности проявляется формированием пассивного трансплацентарного иммунитета у плода, который обеспечивает специфическую защиту от гриппа ребёнка первых 3-6 месяцев жизни. В настоящее время известные вакцинные препараты против гриппа у детей регламентированы только с 6 месячного возраста, поэтому эффективная защита от инфекции у младенцев обеспечивается только материнскими антителами [10][11].

Таким образом, основной целью обеспечения приверженности вакцинопрофилактике является определение стратегии поддержания общественного доверия к ней для достижения высокого уровня охвата иммунизацией беременных, позволяющего контролировать заболеваемость, инвалидность, смертность от основных инфекционных заболеваний.

Также важным аспектами является укрепление приверженности медицинских работников к иммунопрофилактике и повышение их компетенции в области иммунизации и расширение доступа к пропрививочным медиаресурсам и информационно-образовательным платформам для беременных женщин и медицинских специалистов. Эти меры позволяют значительно улучшить результаты вакцинации и снизить риски для здоровья как матерей, так и новорожденных.

Список литературы:

[1] World Health Organization (WHO). Immunization safety surveillance: guidelines for immunization programme managers on surveillance of adverse events following immunization. 3rd ed. Manila: World Health Organization. Regional Office for the Western Pacific, 2016 [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2025).

[2] Tan T, Wirsing von Konig CH. Strategies to decrease pertussis transmission to infants. *Pediatrics*. 2015; 135: e1475–82. DOI: 10.1542/peds.2014-1115.

[3] ACOG Committee Opinion No. 741: Maternal Immunization/ *J Obstet Gynecol* - 2018 - 131(6):214-217. DOI: 10.1097/AOG.0000000000002662.

[4] Centers for Disease Control and Prevention (CDC). Influenza (flu). Addressing concerns pregnant women might have about influenza vaccine safety. Washington, DC: CDC, 2019 <https://www.cdc.gov/flu/professionals/vaccination/vaccination-possible-safety-signal.html> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.04.2025).

[5] Bratton K.N., Wardle M.T., Orenstein W.A., et al. Maternal influenza immunization and birth outcomes of stillbirth and spontaneous abortion: a systematic review and meta-analysis. *Clin Infect Dis* 2015. Vol 60(5)/ P.11–19. doi: 10.1093/cid/ciu915.

[6] Smith ER, Oakley E, Grandner GW и др. Clinical risk factors for adverse outcomes among women with COVID-19 during pregnancy and the postpartum period: a sequential prospective meta-analysis. *Am J Obstet Gynecol* 2022:S0002-9378(22)00680-9. doi: 10.1016/j.ajog.2022.08.038.

[7] World Health Organization. How to implement influenza vaccination of pregnant women. Geneva (Switzerland): World Health Organization, 2016 [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.04.2025).

[8] Полибин Р.В., Салтыкова Т.С., Поздняков А.А., Коршунов В.А., Салтыкова А.Г., Брико Н.И. Оценка эпидемиологической эффективности четырехвалентной инактивированной расщепленной вакцины против гриппа в эпидсезон 2023–2024 годов. *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика*. 2024;23(6):104-113. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2024-23-6-104-113>.

[9] С.М. Харит, З.П. Калинина, И.Г. Чхинджерия, В.В. Васильев, Л.Л. Панкратьева, Р.Г. Шмаков, Н.Н. Володин. Влияние заболевания гриппом и его вакцинопрофилактики на течение беременности и здоровье новорожденного. *Педиатрия им. Г.Н. Сперанского*. 2023. № 102 (1). С 81–88. DOI: 10.24110/0031-403X-2023-102-1-81-88.

[10] Черданцев А.П., Костинов М.П., Кусельман А.И. Вакцинопрофилактика гриппа у беременных. Руководство для врачей. Москва, 2013. С. 21.

[11] Федеральные клинические рекомендации “Вакцинация беременных против гриппа” Москва, 2015 г. С.26.

УДК 615.9
ГРНТИ 34.47.51

ПЕРВИЧНАЯ ТОКСИКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НЕИОНОГЕННЫХ ПОВЕРХНОСТНО-АКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Логинов В.В.,

к. б. н., биолог санитарно-гигиенической лаборатории
ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии
в Нижегородской области»
г. Нижний Новгород, Россия

PRIMARY TOXICOLOGICAL ASSESSMENT OF SOME NONIONIC SURFACE-ACTIVE SUBSTANCES

Loginov V.V.,

Ph.D. biology, biologist of sanitary and hygienic laboratory
FBHI "Center for Hygiene and Epidemiology
in the Nizhny Novgorod Region"
Nizhny Novgorod, Russia

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111.991

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена установлению параметров токсикометрии и токсичности неионогенных поверхностно-активных веществ, которые применяются в текстильной промышленности. Неионогенные поверхностно-активные вещества способны оказывать от слабого до умеренного раздражающего действия на кожные покровы и слизистые оболочки. В дозах вызывающих токсический эффект при однократном воздействии, по параметру острой токсичности при внутрижелудочном введении (DL_{50}) установлено, что неионогенные поверхностно-активные вещества могут быть отнесены к IV классу опасности по степени воздействия на организм. Общетокического действия веществ исследованиями кожно-резорбтивного воздействия не обнаружено.

ABSTRACT

The article is devoted to the establishment of parameters of toxicometry and toxicity of nonionic surface-active substances used in the textile industry. Nonionic surface-active substances can have mild to moderate irritating effects on the skin and mucous membranes. In doses that cause a toxic effect with a single exposure, according to the acute toxicity parameter with intragastric administration (DL_{50}), it was found that nonionic surfactants can be classified as hazard class IV according to the degree of exposure to the body. Studies of skin-resorptive effects have not revealed a general toxic effect of substances.

Ключевые слова: неионогенные поверхностно-активные вещества, однократное воздействие, токсикологическая оценка, параметры токсикометрии, токсичность, гигиенические нормативы

Keywords: nonionic surface-active substances, single exposure, toxicological assessment, parameters of toxicometry, toxicity, hygienic standards

Введение

В настоящее время неионогенные поверхностно-активные вещества (ПАВ) применяются в бытовой химии и косметики. Имеют умеренные характеристики пенообразования, проявляют отличную способность к удалению масляных загрязнений (особенно с синтетических тканей) даже при относительно низких концентрациях. Обладают неплохими возможностями диспергировать загрязнения и предотвращать их повторное осаждение на поверхность. Используются в составах моющих и стиральных средств, пятновыводителей. Большинство бытовых стиральных порошков и порошковых чистящих средств разработано для стирки широкого спектра загрязнений и пятен, следовательно, в их состав обычно входят композиции неионогенных и анионных ПАВ. Неионогенные ПАВ, в том числе используются для снижения пенообразования, вызываемого анионными ПАВ. Широко используются в составах

средств для посудомоечных машин, т.к. обладают хорошей смачивающей способностью, чрезвычайно низким пенообразованием и совместимы с хлором. Биоразлагаемы. Промышленное применение: промышленная стирка; текстильная промышленность.

Цель исследования

Широкое применение неионогенных поверхностно-активных веществ в настоящее время в разных сферах промышленности и народного хозяйства обосновало актуальность проведения исследований. Цель исследования получение токсикологической характеристики некоторых неионогенных ПАВ в объёме первичного токсикологического паспорта. Для понимания, что собой представляют неионогенные ПАВ необходимо рассмотреть подробнее их физико-химический состав.

Общие физико-химические свойства

Полисор ППГ-Д (ТУ 20.16.40-061-71150986-2021) представляет собой неионогенные ПАВ

получаемые полимеризацией оксида пропилена, предназначенные для применения в качестве сырья для производства полиуретанов, в других отраслях промышленности в качестве герметиков, эпоксидных пластификаторов, пеногасителей, деэмульгаторов и пластификаторов сырой нефти. Используется в качестве сырья в химической, нефтедобывающей, пищевой, микробиологической, горно-обогатительной промышленности. Полинол ППГ-Д выпускается четырех марок: ППГ-Д 10, ППГ-Д 15, ППГ-Д 35, ППГ-Д 70. Общая структурная формула: $\text{H} - (\text{O} - \text{CH}(\text{CH}_3) - \text{CH}_2)_n - \text{OH}$, где n – количество молей присоединённой окиси пропилена (от 10 до 73). Среднее значение молекулярной массы в пределах 3740-4488 (ТУ 20.16.40-061-71150986-2021). Кинематическая вязкость при 40°C 280-30 (ГОСТ 33-2016). Гидроксильное число, мгКОН/г, в пределах 25-30 (ISO 4326:1980). Относится к горючим веществам, взрывоопасен. Температура вспышки 213-216°C.

Норкем Микс 303 (ТУ 20.41.20-010-71150986-2023) представляет собой смесь алкилсульфата натрия и алкилдиметиламинооксида. Состав рецептуры: алкилэфирсульфат натрия, в пределах от 44 до 54 % (ТУ 20.41.20-010-71150986-2023), алкилдиметиламинооксид от 9,5 до 12,3 % (ТУ 2483-005-13805981-2016) и вода от 36,5 до 43,7 % (ГОСТ 6709-72). Предназначен для создания рецептур высокопенных моющих средств, таких как средства для мытья посуды, автошампуни и

прочее. Норкем Микс 303 изготавливается двух марок А и Б. Массовая доля алкилэфирсульфата натрия марки А в пределах 50-54 %, а марки Б 44-54 % соответственно (ТУ 20.41.20-010-71150986-2023). Анионное активное вещество в пересчете на SO_3 марки А в пределах 12,3-13,3 %, а марки Б 10,9-13,3 % (то же). Массовая доля алкилдиметиламинооксида марки А в пределах 11,2-12,3 %, а марки Б в пределах 9,5-12,3 % соответственно (то же). Показатель активности водородных ионов H^+ (рН) водного раствора 10 % марки А 7,8-8,3 %, а марки Б 7,5-10,5 % соответственно (ГОСТ 22567.5-93).

Методы исследований

Экспериментальные исследования проведены на беспородных белых мышах, крысах и кроликах породы Шиншилла. Содержание, питание, уход за животными и выведение из эксперимента проводили в соответствии с требованиями [1, 2]. Токсические свойства веществ изучали в однократных экспериментах при введении вещества в желудок, нанесении на неповрежденную кожу и слизистые оболочки глаз в соответствии с указаниями [3, 4], кожно-резорбтивное действие по рекомендациям [5, 6].

Результаты исследований и их обсуждение

Исследованиями установлено, что по острой токсичности в желудок вещества относятся к 4 классу мало опасных веществ (ЛД₅₀ для крыс более 5000 мг/кг) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты первичных токсикологических исследований продуктов ООО «Завод синтанолов»

Продукт	Токсикологические исследования			
	Острая токсичность при введении в желудок (LD_{50}), мг/кг	Раздражающее действие на кожные покровы, баллы	Раздражающее действие на конъюнктиву глаза, баллы	Кожно-резорбтивное, описание
ПОЛИНОР® ППГ-Д70	более 5000, вещество мало опасное IV класс*	2, слабо раздражающее действие	2, слабо раздражающее действие	Не выявлено, гибель животных не наблюдалась
НОРКЕМ® МИКС 303	более 5000, вещество мало опасное IV класс*	3, умеренно раздражающее действие	3, умеренно раздражающее действие	Не выявлено, гибель животных не наблюдалась

* - класс опасности вещества по ГОСТ 12.1.007-76

Местно-раздражающее действие вещества в нативных концентрациях изучалось на кроликах. Однократные аппликации вещества НОРКЕМ® МИКС 303 на 4 часа – вызвали умеренно выраженную эритему животных (2 балла, розово-красный тон) и слабой реакции отека кожи толщиной 0,59 – 1 балл. Суммарно получается 3 балла (умеренно-раздражающее действие – 2 класс). Умеренно-выраженная эритема спала, через ≈ 6 часов. Раздражающее действие веществ на слизистую оболочку глаза выразилось суммарным баллом – 3 (слабое раздражающее действие). После

внесения вещества в конъюнктивальный мешок глаза наблюдалось инъектирование сосудов глаза (1 балл), и видно выделения увлажнения век (2 балла). Суммарно 3 балла. Дальнейшие наблюдения показали, что на второй день признаки раздражающего действия на глаз исчезли. Для вещества ПОЛИНОР® ППГ-Д70 местно-раздражающее действие его при однократной аппликации имело слабо-раздражающее действие (2 балла) и слабо-раздражающее действие на слизистую глаза (2 балла).

Изучение кожно-резорбтивного действия обоих веществ проводилось на мышах. После проведения «пробирочного метода/теста» 2-х часового контакта вещества с хвостами мышей и 4-х часового для крыс видимых реакций общетоксического эффекта для животных не отмечалось. Все животные остались живы после двухнедельных наблюдений. Подопытные животные по поведению и внешнему виду не отличались от контрольных.

Заключение

В эксперименте на млекопитающих животных установлено, что оба вещества по острой токсичности при введении в желудок согласно классификации ГОСТ 12.1.007-76 относятся к 4 классу малоопасных веществ. Местно-раздражающее действие его при однократной аппликации умеренно-раздражающее действие на кожу и слизистую глаза обнаружено для НОРКЕМ® МИКС 303, напротив для ПОЛИНОР® ППГ-Д70 выявлены слабо раздражающие действия на кожные покровы и слизистые оболочки глаз кроликов. Общетоксического действия, кожно-резорбтивными тестами на мышах и крысах, для исследуемых веществ не обнаружено.

Литература

1. СП 2.2.1.3218-14 Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, оборудованию и содержанию экспериментально-биологических клиник (вивариев) // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора, 2015. Вып. 2(60). С. 2-14.
2. ГОСТ 33215-2014 Руководство по содержанию и уходу за лабораторными животными. Правила оборудования помещений и организация процедур. М.: Стандартинформ, 2016. 13 с.
3. Методические указания к постановке исследований для обоснования санитарных стандартов вредных веществ в воздухе рабочей зоны. Методические указания. МУ 2163-80. М., 1980. 22 с.
4. Методические указания к постановке исследований по изучению раздражающих свойств и обоснование предельно допустимых концентраций избирательно действующих раздражающих веществ в воздухе рабочей зоны. Методические указания. МУ 2196-80. М., 1980. 20 с.
5. Оценка воздействия вредных химических соединений на кожные покровы и обоснование предельно допустимых уровней загрязнений кожи. Методические указания. МУ 2102-79. М., 1980. 24 с.
6. Методические рекомендации по изучению кожно-резорбтивного действия химических соединений при гигиеническом регламентировании их содержания в воде. Методические рекомендации. МУ 2377-81. М., 1981. 18 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК.4414

COMPETITION BETWEEN IRAN AND ISRAEL IN MIDDLE EAST AND IT'S IMPACT ON AFGHANISTAN'S NATIONAL SECURITY

*Mohammadi M. J.**Master's student at Southern Federal University*

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111.992

ABSTRACT

National security is one of the most key concepts in modern nation-states. The end of the Cold War, decolonization of Asia and Africa, and the intensification of globalization have led to a theoretical/practical transformation in the concept of national security. Afghanistan can be considered a country whose national security has always been under threat after 2015; these threats have posed serious challenges to the national sovereignty and survival of the country. The aim of the present study was to examine the variables affecting the national security of Afghanistan. The question of the present study is: Which variables have exposed the national security of Afghanistan to serious threats? The hypothesis of the present study is that: The confrontational foreign policy of Iran and Israel in the Middle East has been among the variables affecting the national security of the country after 2015. The research framework was neoclassical realism; the data were collected in the form of a library and examined using an analytical-descriptive method. The results show that; the hostile policies of the two countries in different dimensions in the Middle East have posed serious challenges to the national security of the country. This study is important because it Identify the transition to Afghanistan's national security and take necessary steps to address these challenges.

Keywords: Foreign policy, national security, neoclassical realism, Middle East, Iran, Israel and Afghanistan.

1. INTRODUCTION

National security is a flexible and complex idea. It means protecting a country's land, keeping the country united and socially and politically stable, and making sure there are no serious threats to important national interests. Afghanistan is one of the countries that has faced more than forty years of war and insecurity. Its national security has been threatened by powerful countries. After the fall of the first Taliban government and the start of a new national government in Afghanistan, many efforts were made to protect the country's security. The West, led by the United States, tried to rebuild Afghanistan's army and security forces, which were damaged after many years of fighting. These efforts aimed to protect the country's land and keep it safe.

But because there was no strong national identity, and local groups wanted to keep their own power, the social and political part of national security could not grow. This has caused Afghanistan to stay stuck in conflicts between regional and world powers. After the Taliban returned to power in Afghanistan, the foundations of state-building and the elements that were helping form a nation-state collapsed. The country lost its organized political structure. Despite fighting the Taliban for two decades, the United States signed the Doha Peace Agreement and handed the country back to the Taliban, pushing Afghanistan into ongoing and unresolved crises [1].

Since then, poverty, unemployment, migration, and most importantly, the ban on girls' education and women's participation in society under Taliban rule have remained serious challenges. The Taliban government, which lacks both national and international legitimacy, has failed to solve these problems. This has placed Afghanistan in a fragile and

critical situation, severely threatening its national security.

Political instability and the rise of internal crises have opened the door for some regional and global powers to use Afghanistan as a battleground to pursue their strategic interests. Among these powers are Iran and Israel, two major players in the Middle East. Their growing conflict poses a serious threat to Afghanistan's national security. Iran and Israel have adopted hostile foreign policies toward each other for decades and have even engaged in indirect conflicts. Both have sought to exploit unstable countries as tools to undermine the other and preserve their survival. Israel, which had been engaged in conflict with Iran's proxy forces in the Middle East for several years, launched a surprise attack on Iran on June 13. This operation resulted in the killing of senior Iranian military commanders and nuclear scientists, marking the beginning of a direct war against the country. The attack was strongly supported by the United States, which later also became directly involved in the conflict [2].

After twelve days of war against the Iran's government, they failed to achieve their major objectives. This conflict, which was primarily fought using regional countries' air and land territories, eventually ended through a ceasefire brokered by regional and international actors, despite heavy casualties and losses on both sides. Given the far-reaching consequences of this war, Israel and Iran have intensified efforts to exploit the fragile conditions in neighboring countries to undermine each other. The ongoing crisis in Afghanistan—coupled with the Taliban's longstanding relations with both Iran and the United States—has further impacted this dynamic. Each side now seeks to capitalize on Afghanistan's instability to weaken the other, posing a serious threat

to Afghanistan's national security. Considering these developments, the central hypothesis of this study is that Iran and Israel's confrontational foreign policies in the Middle East have been significant variables affecting Afghanistan's national security post-2015. The hypothesis will be examined through a descriptive-analytical method, utilizing academic research and current realities for a comprehensive analysis[3].

2. METHODS AND MATERIALS

Theoretical Framework

Neoclassical realism is a synthesis of classical realism and neorealism. This theory emerged in response to the excessive materialism of neorealism. Neoclassical realism combines elements from both classical and neorealist traditions, incorporating both systemic-level and unit-level variables in order to analyze the foreign policy of specific states. The term was first introduced by Gideon Rose and later became associated with the works of Jeffrey W. Taliaferro, William C. Wohlforth, Randall Schweller, and others.

This theory begins with the assumption that the international system is anarchic and constrains the foreign policy choices of states. While neoclassical realism attempts to examine influencing factors across multiple levels, it still retains a materialist perspective on power, primarily defining it in terms of tangible capabilities. Unlike neorealists, who disregard cultural and political differences among states—believing the anarchic international system generates similar incentives for all powers—neoclassical realists reject this claim. They seek to explain why different political systems behave differently under the same international conditions and opportunities.

Neoclassical realism, rather than focusing on explaining the international system as a whole, aims to explain the foreign policy behavior of individual states than on interpreting the international system itself. It seeks to do this through a multi-level of analysis[4].

1. Integration of Individual, National, and International Levels

Neoclassical realism focuses on the central role of the state and seeks to explain how—and under what conditions—the internal characteristics of states mediate between decision-makers' perceptions of international threats and opportunities and the foreign policies they formulate. Like neorealists, neoclassical realists view the international system as anarchic, meaning that there is no overarching global authority or world government. This anarchic structure compels states to rely on self-help in order to secure their survival and achieve national objectives. Anarchy, by its nature, promotes the use of force, legitimizes it, and reinforces power-based behavior.

Neoclassical realism is a foreign policy theory that analyzes the state's relative influence in the international system (as the independent variable) through the lens of domestic structures and the perceptions and interpretations of the international environment (as the dependent variable). This theory particularly aims to explain how, why, and under what circumstances domestic features—such as a state's

ability to extract and mobilize resources, the structure of its political and military institutions, the influence of internal social actors and interest groups, the degree of state autonomy from society, and the level of elite cohesion—affect foreign policy decision-makers' assessments of international threats and opportunities, as well as the national strategies they define and pursue.

Both neorealists and neoclassical realists consider anarchy to be a permissive condition, as it imposes relatively few direct constraints and allows states a significant degree of freedom in defining their grand security strategies. However, it is the distribution of capabilities within the international system that ultimately determines how successful states can be in pursuing those strategies. Additionally, foreign policy decision-makers are constantly engaged in a two-level game: they must simultaneously respond to external international conditions while also extracting and mobilizing domestic resources to support their policies[5].

2. The Mediating Role of the State and Society in Foreign Policy

Neoclassical realism focuses on the mediating and interventionist role of the state in foreign policy. It explains the various pathways and mechanisms through which the state—understood as a central authority or governing institutions with the exclusive right to use force within a country—assesses the threats and opportunities arising from the anarchic international system, and accordingly formulates and implements foreign policy.

In neoclassical realism, the state is viewed from a top-down perspective. This means that, ultimately, systemic factors are the primary drivers of foreign policy behavior. Broadly speaking, neoclassical realism analyzes the relationship between the state and foreign policy through three categories of variables:

1. The assessment of threats and opportunities originating from the anarchic international system;
2. The key domestic actors who interpret and evaluate these external threats and opportunities;
3. The internal processes of resolving disagreements over the nature of international threats and the appropriate responses to them.

Moreover, it explores how internal resources are mobilized and how foreign policy decisions are carried out. This involves:

How states gather and deploy the necessary resources to pursue their chosen policies;

The extent to which domestic actors have the power to hinder the state's efforts to mobilize resources under different conditions;

And which actors ultimately succeed in bargaining with the state on behalf of various social groups. In conclusion, neoclassical realism has the capacity to explain and interpret the foreign policies of countries such as Iran and Israel, and it can also provide insights into the national security challenges faced by Afghanistan[6].

Chapter One – The Foreign Policies of Iran and Israel

Within the framework of the realist paradigm, power is distributed among states based on their

material capabilities. This distribution of power can either grant states greater freedom of action or constrain them, limiting their ability to achieve their objectives. Iran and Israel are two states with distinct identities, differing positions within the international system, and a hostile relationship. Analyzing their foreign policies can enhance our understanding of their actions and reactions, as well as the regional and global implications of their conflict and rivalry[7].

1-1 – Analysis of Iran’s Foreign Policy

Neoclassical realism is a synthesis of classical realism and neorealism. This theory, by incorporating both systemic variables and unit-level variables, introduces an additional level—intervening variables—to better explain and interpret the external behavior of states, or in other words, their foreign policy.

Neorealists primarily emphasize the structure and determinative nature of the international system, often to the extent of neglecting other influential variables. This overemphasis has led to a significant shortcoming in neorealist theory. In contrast, neoclassical realism incorporates both international and domestic variables, offering a more comprehensive framework for understanding state behavior.

The decision-making model in neoclassical realism, as a realist theory, is based on the general model of the rational actor and the logic of consequences. However, in this framework, rationality means that states pursue relative power or national security through the adoption and implementation of purposeful policies.

From the neoclassical realist perspective, this notion of rationality differs from the traditional realist assumption. It does not imply that states or their leaders necessarily act based on purely self-interested principles or even bounded rationality. Instead, it acknowledges that states operate in an inherently uncertain and unpredictable international environment. Given this uncertainty, foreign policy can be defined as the reflection of a government’s objectives and strategies in the international arena, in its interactions with other states, societies, international organizations, and global events.

Iran can be considered one of the key actors in the Middle East. Its geopolitical location as a junction of three continents, its vast oil resources, its access to strategic waterways, and its rich historical and cultural heritage have consistently attracted the attention of global powers. Within the framework of neoclassical realism, to explain the sources and determinants of Iran’s foreign policy, it is essential to analyze two categories of variables: independent variables and intervening variables.

The primary independent variable shaping Iran’s foreign policy is the anarchic international system and its defining characteristics. Iran’s relative position in the distribution of power and capabilities, as well as global power dynamics, are key determining factors in its foreign policy orientation. Anarchy in the international system and other systemic factors provide the motivations and stimuli that drive Iran’s quest for national security. Furthermore, Iran’s foreign policy is

deeply tied to its revolutionary and Islamic identity. The country defines itself ideologically and bases its foreign policy behavior on that foundation.

To fully understand Iran’s foreign policy, one must consider key elements such as national interests (as the fundamental determinants of foreign policy), foreign policy goals (as operational objectives aimed at achieving national interests), and the roles and orientations that guide the country’s external behavior.

4. RESULTS AND DISCUSSION

A. Objectives of Iran’s Foreign Policy

- **Preservation of Physical Integrity:** One of the most critical components of Iran’s core national interests is maintaining its territorial integrity and preventing any form of disintegration or fragmentation of the state.

- **Preservation of the Islamic Regime:** Another essential objective is safeguarding the Islamic government. Since the 1979 Revolution and the subsequent rise in tensions with the United States, Iran has perceived persistent threats from the U.S. and its regional allies who seek to undermine or overthrow the regime.

- **National Independence:** Post-revolutionary Iran has consistently emphasized the importance of maintaining independence across all dimensions—military, political, and economic. In the anarchic international system, self-reliance is seen as essential for national survival.

- **Preservation and Expansion of Revolutionary Ideology:** Iran considers itself a model of governance for the Muslim world and actively pursues the dissemination of its revolutionary ideals in various regions around the globe.

- **Economic Development and Welfare:** Economic growth and public welfare are also vital to Iran’s national interests. The stability of the political system and the achievement of other strategic goals are closely tied to the level of economic development and social well-being within the country.

- **Achieving Regional Hegemony in the Middle East:** Establishing regional dominance in the Middle East is another key objective. In recent years, Iran has made significant strides toward this goal, particularly through the development of advanced missile and drone technologies.

- **Containment of Israel:** Iran has long sought to limit Israel’s influence near its borders. To this end, it supports a range of regional Islamic movements, most notably Hamas, Hezbollah, and the Houthis in Yemen [8].

B. Iran’s Foreign Policy Orientations

Foreign policy orientation refers to a country’s approach, perspective, and commitments toward the external environment and the international system, as well as its overall strategic framework for securing national interests, achieving national objectives, and addressing persistent threats.

Following the 1979 Islamic Revolution and the bitter legacy of colonialism, Iran pursued a policy of neutrality, embodied in the slogan “Neither East, Nor West.” However, the end of the bipolar world order and the growing dominance of the United States led to

severe sanctions against Iran. This development compelled Iran to safeguard the survival of its political system through the formation of regional and international alliances and coalitions. Accordingly, Iran has established regional partnerships with Syria, Iraq, and Lebanon, and global alliances with China and Russia. These alignments have aimed to neutralize the effects of Western sanctions and have contributed to the emergence of various international roles for Iran [9].

C. Iran's External Roles

A national role can be understood as the set of expectations and definitions that policymakers assign to the types of commitments, behaviors, responsibilities, and appropriate actions their state should undertake under different geographic and thematic conditions. Since the 1979 Revolution, Iran has presented itself as a relatively independent actor in foreign policy, assuming roles such as the "supporter of the oppressed," the "opponent of domination and arrogance," and the "defender of Shia beliefs." Through these roles, Iran has actively engaged and interacted with both regional and global actors.

2-1. Israel's Foreign Policy

Neoclassical realism, much like neorealism, begins its analysis with a state's position in the international system and its share of global power. This determines the opportunities and constraints that the state faces on the global stage. In an anarchic system, international politics is defined by the use—or threat—of force and power. Israel, as a Jewish state and the only non-Arab country in the Middle East, has since its establishment been in continuous conflict with its neighbors. This historical reality has shaped Israel's foreign policy to be largely aggressive and driven by a pessimistic view of its regional environment.

The presence of a hierarchical international order and the influence of realist theory have deepened the belief among Israeli policymakers that survival depends on possessing advanced weaponry, nuclear arms, and a highly trained military. These are seen as tools not only for survival but also for compelling Arab neighbors to accept Israel's existence. Perceiving itself as one of the dominant powers in the Middle East, Israel frames its relationship with the Arab world as a zero-sum game. Consequently, Israeli foreign policy is closely intertwined with its national security concerns.

The anarchy of the international system has made self-reliance a condition for state survival. Israel is arguably the only—or one of the very few—developed countries in the Middle East. Its nuclear facilities, advanced industrial infrastructure, world-class universities, and educated population are all considered sources of strategic strength. Israel is a parliamentary republic, where the president serves a ceremonial role, and all executive authority lies with the prime minister. Neoclassical realism emphasizes the role of leaders, whose interpretations of events and assessments of threats or opportunities shape foreign policy. Strategic realities are filtered through the perceptions of leaders, which are often subject to bias and misinterpretation.

Prime Minister Benjamin Netanyahu, who currently holds full executive authority, is politically characterized as skeptical, power-seeking, and

authoritarian. The country's sensitive geopolitical position and persistent fear of external threats have fostered deep distrust toward the international environment—an attitude that is clearly reflected in Israeli foreign policy. Israel's political parties and institutions, which have emerged under the ideological framework of Zionism, tend to unite in times of crisis in defense of the state. The absence of secure and permanent borders and the lack [10].

2. Second Discourse: National Security of Afghanistan

Afghanistan is among the countries situated at a critical geopolitical juncture in the region and has consistently been influenced by the actions of regional and global actors. Since 2001 and the establishment of a new government, the concept of national security in Afghanistan has been shaped by several factors: its geopolitical location, the structure and continuity of its political system, the state's capacity to mobilize social and political forces, and its ability to extract and utilize resources to ensure survival, increase welfare, and enhance national power [11].

2-1. Afghanistan's Geostrategic Position

Countries located in geopolitically sensitive areas of the world naturally find themselves on the frontline of international affairs—whether through proactive engagement or reactive involvement. In such cases, domestic underdevelopment and weaknesses in foreign policy often render these states vulnerable to exploitation—either positively or negatively—by both domestic actors and international powers.

Afghanistan is one such country, positioned in one of the world's most strategic zones. Its location at the intersection of four regional subsystems has always attracted serious attention from both regional and global actors. Internal weaknesses and the absence of a coherent and well-defined foreign policy have made Afghanistan susceptible to external manipulation. Most recently, the presence of the United States in Afghanistan exemplifies how this geostrategic position was exploited, fueling proxy wars and involving nearly all regional powers in Afghan affairs. Given this, Afghanistan holds the potential to play an active role across four geostrategic zones [12].

According to Barry Buzan, Afghanistan is considered an "insulator state"—a country that does not fall within any specific regional security complex and often separates different regional orders. This view supports the argument about Afghanistan's unique geostrategic position. Neoclassical realists view a country's position within the international system as a critical factor that either amplifies or limits its interactions with other states. Afghanistan is regarded as a state occupying a highly sensitive regional position, with the potential to become an active international actor.

However, the lack of internal socio-political cohesion, along with deep-rooted ethnic, religious, and linguistic divisions—many of which are geographically embedded—has prevented the emergence of a unified national ideology. The strong identity-based affiliations of political leaders, along with widespread underdevelopment across all sectors, have further

obstructed state-building processes. These challenges have functioned as major barriers to Afghanistan's transformation into a stable and powerful country, squandering the many opportunities and resources available within its borders. In the contemporary era, Afghanistan's five-dimensional strategic position has enabled the United States to exploit its geography in the name of counterterrorism, while also using it as a platform to monitor and contain rival states[13].

2-2. Nature of the Political System

Four decades of civil war and the rise of the Taliban dismantled the foundations of the Afghan state and destroyed the components of nation-state formation that had previously been established. This situation turned Afghanistan into a failed state. The September 11, 2001 attacks marked a turning point for efforts to build a modern nation-state and a responsive political system in Afghanistan. However, deep-rooted ethnic, linguistic, and religious divisions, further exacerbated by regional powers who deliberately inflamed these issues, undermined the state-building process. As a result, Afghanistan's nation-building efforts failed, rendering Western programs ineffective and ultimately forcing Western powers to withdraw in an embarrassing defeat.

Although the previous political system was, on paper, a presidential democracy, in practice all independent and semi-independent institutions were heavily influenced by the personal behavior and authority of the president. The lack of social cohesion, the absence of modern political parties, a weak civil society, and the failure to create a structurally differentiated system with a division of specialized labor led to the emergence of what is known as a quasi-authoritarian state. In such systems, elements of democracy coexist with authoritarian practices, often resulting in visible social fragmentation, ethnic conflict, purges, and repression carried out by those in power. These tendencies have intensified under the current Taliban regime.

Afghanistan has never had a strong and independent parliament. The president, through loyalist appointments, was able to legalize nearly all his actions via parliamentary approval.

President Hamid Karzai operated within this quasi-authoritarian framework by using patronage—offering government positions and other incentives to draw in political elites and opposition figures, effectively absorbing them into the state's structure. President Ashraf Ghani, adopting an even more authoritarian stance, seized full executive power from the outset, bypassed legal institutions, and issued numerous unconstitutional decrees. Under his rule, identity-based tensions reached a peak, and corruption became rampant across government institutions, including the Presidential Palace.

The current Taliban regime, structured as an Emirate, is also mono-ethnic in nature and lacks pluralism at the national level.

In the next section, I will examine two additional factors that have further contributed to lowering Afghanistan's position to the lowest tier of the international system[13].

A. Mobilization

Afghanistan is a heterogeneous state, characterized by deep religious, ethnic, linguistic, and cultural divisions, as well as tensions between tradition and modernity. The country lacks cross-ethnic political parties capable of mobilizing the general population. The absence of internal and international legitimacy of the current Taliban government, coupled with weak socio-political cohesion, is one of the key factors pushing the foundations of the Afghan state toward collapse.

The ethnic-driven policies of the current rulers and their exclusion of other political movements, forces, and social groups in an already fragmented Afghan society have led to the formation of a weak state, a destitute society, and the absence of national unity. These conditions have created a favorable environment for foreign intervention.

This lack of social and political cohesion, along with the Taliban's mono-ethnic rule, has been a major contributor to the prolongation of conflict and has intensified deep-rooted ethnic tensions within the country.

B. Resource Extraction

Afghanistan is simultaneously one of the poorest and one of the richest countries in the world. It possesses vast natural reserves, which have continually drawn the interest of major powers. However, the absence of a strong central government with domestic and international legitimacy has left Afghanistan a consumption-based, non-productive society.

The weakness of state institutions, the persistence of ethnic favoritism, and resistance to modernization have left its immense natural wealth largely untapped, turning resources into potential sources of conflict rather than engines of development. In this regard, the Taliban government has played a significant role in exacerbating the situation[14].

3. Third Discourse: The Iran-Israel Rivalry and Afghanistan's National Security

Iran and Israel are two key—and hostile—actors in the Middle East whose ongoing competition and reciprocal actions have significantly shaped the region's security dynamics. Iran, as an Islamic state, has historical and ideological disputes with Judaism—tensions rooted in longstanding past conflicts. Conversely, Israel, guided by Jewish/Zionist ideology, defines Islamic ideology as a primary threat. These dynamics, as explored in this discourse, have had a direct and critical impact on Afghanistan's national security and are considered among the most influential external variables affecting the country.

1-3. Iran and Israel's Confrontational Foreign Policies and the Geostrategic Position of Afghanistan

Neoclassical realism is a synthesis of classical realism and neorealism. This theory introduces a new analytical level—the intervening (or mediating) variable—by combining system-level variables with unit-level variables, thereby offering a more comprehensive explanation of states' foreign behaviors or, more broadly, their foreign policies. A country's foreign policy is driven by a series of goals, and

understanding those goals is essential for accurately interpreting its international actions.

Iran and Israel are two significant regional actors in the Middle East. After the 1979 Islamic Revolution in Iran, the relationship between the two countries shifted dramatically—from cooperation to hostility. The emergence of Shi'a Islamic ideology as the dominant political doctrine in Iran led to a redefinition of its concepts of "friend" and "enemy." Through this lens, non-Islamic states, especially Israel, were reclassified as adversaries. Moreover, the anarchic structure of the international system has contributed to the intensification of confrontation between Iran and Israel. As Israel's regional power expanded, Iran perceived this rise as a direct threat to its own survival and an obstacle to its strategic goals in the region. As a result, Iran sought to contain Israel within its borders and limit its regional influence.

In turn, Iran's development of missile programs and nuclear capabilities triggered growing concern among Israeli leaders. Israel, interpreting these developments as existential threats, began viewing Iran's military advances as incompatible with its own national security. After suppressing Iran-backed proxy groups in Palestine, Lebanon, and Yemen, Israel—with strong support from the United States—launched a surprise military operation against Iran. This operation escalated into a twelve-day conflict, during which Israel carried out extensive strikes targeting Iran's military commanders and nuclear infrastructure.

Despite these measures, Israel has come to view its survival as more threatened than ever, prompting intensified efforts—again with the backing of the United States—to dismantle Iran's missile and nuclear programs. Ultimately, the pursuit of regional hegemony by both states has turned their ideological and strategic rivalry into a source of regional instability—one that also significantly affects the geostrategic environment of Afghanistan [14].

Pursuit of Regional Hegemony and Domination over Others

One of the key objectives of Israel's foreign policy is to establish dominance over its neighboring countries. Thus, it can be argued that the pursuit of regional hegemony, along with efforts by both Iran and Israel to strengthen their military and economic capabilities, has led to the expansion of their confrontation into other parts of the region—including Afghanistan.

Afghanistan occupies one of the most strategic locations in the region, and it has consistently drawn the attention of hegemonic powers. The country serves as a geopolitical connector among four regional sub-systems, and control over Afghanistan can facilitate broader dominance over adjacent areas. Both Iran and Israel are attempting—each in their own way—to exploit this position in order to threaten and undermine one another. Although Iran's activities in Afghanistan have long been visible—particularly its historical ties with Taliban leaders—it is now apparent that Iran is trying to use the current circumstances to align the Taliban government, which still lacks international recognition, with its.

2-3. The Confrontational Foreign Policy of Iran and Israel and the Nature of the Political System in Afghanistan

One of Iran's key objectives following the 1979 revolution was to spread Shi'a ideology and the political system of "Velayat-e Faqih" (Guardianship of the Islamic Jurist) throughout the region. This goal is considered vital for Iran because, with the exception of a limited few, most Middle Eastern countries are governed by authoritarian regimes, and notably, in the majority of these countries, non-Shi'a minorities have ruled over Shi'a majorities. Consequently, Iran aimed to export its revolution to these countries, suppress opposing governments, and replace them with regimes aligned with its interests, thereby advancing its regional and global objectives.

Conversely, Israel, as Iran's regional rival, strives to cripple Iran through crippling sanctions imposed primarily by Western countries, especially the United States, to prevent Iran's regional maneuvers. A major goal of Israel is the suppression and total destruction of Iranian-backed proxy groups across the region. Recently, Israel launched some of its fiercest attacks, targeting senior commanders of Hamas, Hezbollah in Lebanon, and the Houthis in Yemen, and ultimately carried out an unprecedented strike on Iranian territory itself. This Israeli attack, strongly supported by the United States, ignited a twelve-day war that inflicted serious casualties and damage on both sides.

Israel declared that the objective of the assault was the complete destruction of Iran's nuclear activities and missile programs, but these attacks met with a decisive Iranian response, which inflicted significant damage on Israel via Iran's ballistic missile capabilities. The conflict, which also involved the United States, provoked sharp reactions from regional countries and the international community. The war was not confined to just these two countries; other regional states hosting U.S. bases faced serious Iranian threats as well. As a result, vulnerable countries like Afghanistan, with fragile political systems, became increasingly susceptible to harm. Iran's financial and logistical support for the Taliban, alongside the group's resurgence with greater power and backing, has increased Iran's indirect interference in Afghanistan's internal affairs, significantly impacting the country's political system and national security.

Afghanistan is a heterogeneous country marked by religious, ethnic, linguistic, traditional, and modern divides. These divisions have prevented the emergence of a unified national identity, heightening Afghanistan's vulnerability to influence from regional powers. The current rulers in Afghanistan, who pursue an authoritarian and mono-ethnic government, have occasionally clashed with neighboring countries, including Iran. Currently, although the conflict between Israel and Iran has paused under a ceasefire, the Taliban's pursuit of legitimacy from the United States and the international community compels the group, given its vital interests, not to remain neutral in this conflict. The Taliban government faces significant pressure: the United States leverages economic aid and legitimacy, while Iran applies pressure through the

mass expulsion of Afghan refugees from its territory. Since the Taliban came to power with U.S. backing and a bilateral agreement—and considering that any threat to U.S. interests could undermine their rule—they are compelled to consider U.S. interests in the war against Iran. These dynamics highlight the expansion of threats posed by the Israel-Iran conflict [16].

5. CONCLUSIONS

Conclusion

Iran and Israel are two influential actors in the Middle East whose actions significantly affect the entire region. Iran, motivated by Shi'a ideology and its claim to leadership within the Islamic world, seeks to export this ideology to regional countries—primarily those with Shi'a majorities—to overthrow authoritarian and minority Sunni regimes and install aligned governments that serve its interests. Through this strategy, Iran aspires to regional hegemony and military-economic superiority. Neoclassical realism emphasizes the role of leaders' perceptions; accordingly, Iran's foreign policy is shaped by its leaders' view of Israel as a threatening and destabilizing force. Conversely, Israel, as the sole Jewish state and the only non-Arab country in West Asia, has enjoyed strong and consistent support from Western powers, especially the United States, since its inception. Born out of conflict, Israel's political culture engenders mistrust and vigilance regarding regional security matters. Thus, Israel's foreign policy is closely linked with its national security, pursuing regional hegemony and maintaining dominance over its rivals. These ongoing confrontations have destabilized the Middle East, inflicting significant harm on multiple countries. Following months of indirect conflicts and suppression of Iranian proxies, Israel launched a direct attack targeting Iran's nuclear and missile programs. After twelve days of intense fighting resulting in heavy casualties on both sides, a ceasefire was brokered by major powers. While hostilities have temporarily ceased for regrouping and reinforcement, the conflict is likely to resume.

Afghanistan, situated at a strategically critical geostrategic crossroads, has continually attracted the interest of hegemonic powers. Without effective management, this attention threatens Afghanistan's national security—a concern that has escalated recently. Furthermore, the Taliban government's lack of domestic and international legitimacy, combined with Afghanistan's social-political fragmentation, exacerbates its vulnerability. Both Iran and Israel exploit these weaknesses to influence Afghanistan's political dynamics and secure its strategic position.

Key conclusions include:

Iran and Israel Both seek regional hegemony. Afghanistan's government must strategically engage with this reality, recognizing that neither power can fully achieve its aims without influence over Afghanistan.

Afghanistan should develop a flexible, dynamic approach to its regional role, enabling active participation based on evolving geopolitical contexts.

The Taliban government's illegitimacy and internal divisions facilitate foreign interference; genuine efforts towards neutrality and internal cohesion are critical to resolving this crisis.

Afghanistan's weak political institutions and inability to manage internal and regional challenges remain major impediments. The ongoing Israel-Iran conflict will continue to play a pivotal role in shaping Afghanistan's political trajectory and national security.

REFERENCES

1. Buzan, Barry; Weaver, Ollie and Dewilde, JP, (2007), *A New Framework for Security Analysis*, translated by Alireza Tayyeb, published by the Institute for Strategic Studies, Tehran, Iran.
2. Balkhi, Mirwais, (2016), "The Determinants of Afghanistan's Foreign Policy," *Diplomacy and International Studies Quarterly*, Year 1/Issue 1, University of Afghanistan Publisher, Kabul, Afghanistan.
3. Bashirieh, Hossein, (2018), *A Discourse on the Profession of Politics*, Fourth Edition, Ney Publishing House, Tehran, Iran.
4. Prifti, Balder, (2018), *American Foreign Policy in the Middle East*, translated by Dr. Abdul Majid Seifi, Qoms Publishing, Tehran, Iran.
5. Dunn, Tim; Smith, Steve; Corky, Melija, (2016), "Theories of International Relations", translated by Abdul Majid Seifi, first edition, Mizan Publishing House, Tehran, Iran.
6. Dehshari, Musa; Ghafouri, Ali Reza, (2018), "The Taliban's Invasion of Afghanistan and Iran's National Security", *Political Quarterly*, Issue 132, Tehran, Iran.
7. Saunders, David, (2011), *Patterns of Political Instability*, translated by the Institute for Strategic Studies, second edition, published by the Institute for Strategic Studies, Tehran, Iran.
8. Zarif, Javad et al., (2014), "Investigating influential sources in Israeli foreign policy decision-making based on the James Rosena decision-making model in Middle East foreign policy", *Middle East Foreign Policy*, Allameh Tabatabaie University Press, Tehran, Iran.
9. Fatholahi, Abdur Rahman, (2017), "Afghanistan's insecurities are the result of a proxy security war", *Asia and Africa Publishing*, Tehran-Iran.
10. Kissinger, Henry - Former US Secretary of State, (2016), "The World Order of Interactions on the Characteristics of Nations Throughout History", translated by Sanhar Sohail, first edition, published by Hasht Sobh Newspaper, Azam Publications, Kabul – Afghanistan.
11. Cohen, Saul Bernard, "The Geopolitics of the World System", translated by Abbas Kardan, first edition, Abrar Moaser International Studies and Research Cultural Institute Publications, Tehran, Iran.
12. Waltz, Kenneth, (2015), "Theory of International Politics", translated by Ruhollah Talebi Arani, Al-Khaqab Publishing, first edition, Tehran-Iran.
13. Huntington, Samuel, "The Clash of Civilizations Theory / Huntington and Her Critics",

translated by Mojtaba Amiri, 6th edition, Ministry of Foreign Affairs Publications, Tehran.

14. Habermas, Jurgen, "Globalization and the Future of Democracy", translated by Kamal Polladi, fourth edition, Markaz Publishing House, Tehran-Iran.

15. Mousaviyan, Seyyed Hamidullah, "Political Development of Afghanistan", first edition, Khorasan Qadim Publications, Kabul_Afghanistan.

159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧУВСТВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СПОСОБНОСТИ К ПРИНЯТИЮ РЕШЕНИЙ

Бурлака Елена Васильевна

*Молдавский государственный университет,
Республика Молдова, MD – 2009, г. Кишинев, ул., Алексей Матиевич, д. 60*

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE: RESTORING A SENSE OF RESPONSIBILITY AND DECISION-MAKING ABILITY

Burlaca Elena

*State University of Moldova
Republic of Moldova, MD-2009, Chishinau, Alexei Matievichi 60
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111.994*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые аспекты психологической реабилитации жертв домашнего насилия с акцентом на восстановление чувства личной ответственности и способности к принятию решений. Психологическое давление, систематическое унижение, контроль и манипуляции со стороны агрессора ведут к нарушению базовых механизмов саморегуляции, самооценки и идентичности, формируя состояние выученной беспомощности. В рамках статьи описываются методы терапии, направленные на возвращение субъектности, развитие автономии, эмоциональной устойчивости и способности к осознанному выбору. Предлагается поэтапная модель психологической помощи, ориентированная на восстановление внутреннего контроля и способности действовать, исходя из личных потребностей и ценностей.

ANNOTATION

The article discusses key aspects of psychological rehabilitation of victims of domestic violence with an emphasis on restoring a sense of personal responsibility and decision-making ability. Psychological pressure, systematic humiliation, control, and manipulation by the aggressor lead to a disruption of basic mechanisms of self-regulation, self-esteem, and identity, forming a state of learned helplessness. The article describes methods of therapy aimed at restoring subjectivity, developing autonomy, emotional stability, and the ability to make conscious choices. A step-by-step model of psychological assistance is proposed, aimed at restoring internal control and the ability to act based on personal needs and values.

Ключевые слова: домашнее насилие, выученная беспомощность, чувство ответственности, принятие решений, саморегуляция, психологическая реабилитация, автономия.

Keywords: domestic violence, learned helplessness, sense of responsibility, decision-making, self-regulation, psychological rehabilitation, autonomy.

Домашнее насилие — одно из наиболее разрушительных явлений, затрагивающее не только физическую, но и глубоко личностную сферу пострадавших. Его последствия включают нарушения в эмоциональной регуляции, снижении самооценки, утрате личностной автономии и способности принимать решения. Особенно остро встает проблема восстановления чувства ответственности за собственную жизнь, так как в условиях насильственных отношений это чувство часто разрушается под воздействием манипуляций, страха и хронического стресса. Жертвы насилия нередко демонстрируют поведенческие и когнитивные паттерны, характерные для выученной беспомощности, что затрудняет процесс выхода из травматических отношений и возвращение к активной позиции в жизни [2].

Современные подходы в психотерапии акцентируют внимание на необходимости целенаправленной работы с когнитивными и эмоциональными установками, а также на восстановлении границ Я и способности к осознанному выбору. Особую значимость в процессе реабилитации приобретает культурно-социальный контекст, определяющий восприятие жертвой своих прав, обязанностей и допустимых стратегий поведения. Настоящая статья направлена на всесторонний анализ психологических механизмов и практических методов, способствующих восстановлению чувства личной ответственности и способности к принятию решений у жертв домашнего насилия.

Одной из ключевых задач психологической реабилитации жертв домашнего насилия является

восстановление чувства личной ответственности за собственную жизнь и способности к самостоятельному принятию решений. В условиях насильственных отношений это чувство часто нарушается под воздействием длительного психологического давления, манипуляций, чувства вины и страха. В результате теряется ощущение контроля над собственной жизнью, что ведет к формированию состояния выученной беспомощности, затрудняющего попытки изменить ситуацию и выйти из круга насилия [2].

Научные исследования показывают, что многие жертвы демонстрируют так называемое «интернализированное обвинение» — склонность считать себя виновными в происходящем [5]. Это сопровождается снижением самооценки, усилением тревожности и депрессивных симптомов, а также утратой мотивации к активным действиям. В связи с этим, работа с чувством ответственности требует тонкого и уважительного подхода. Цель заключается не в усилении чувства вины, а в поддержке клиента в процессе восстановления границ Я и развития навыков саморегуляции.

С точки зрения когнитивно-поведенческой терапии, важным этапом становится выявление и реконструкция иррациональных убеждений, поддерживающих чувство вины и зависимости. Например, установки вроде «Я заслуживаю это» или «Я не справлюсь одна» подлежат замене на адаптивные альтернативы: «Никто не заслуживает насилия» или «Я могу постепенно восстанавливать контроль над своей жизнью». Такие новые когниции формируются и закрепляются в безопасной терапевтической обстановке при поддержке и принятии со стороны специалиста [1].

Дальнейшая работа ориентирована на развитие субъектности и автономии. Для этого используются методы, направленные на восстановление личной активности: ведение дневника, ролевые игры, составление карты жизненных ценностей, обучение навыкам принятия решений и постановки целей. Особое значение имеет проработка личных границ: обучение клиента распознаванию и защите своих психологических и физических границ способствует укреплению внутренней уверенности и формированию ответственности за собственную безопасность.

Дополнительный ресурс для восстановления чувства ответственности предоставляют техники нарративной терапии. В данном подходе жертва рассматривается не как пассивный объект насилия, а как активный субъект, способный «переписывать» свой жизненный сценарий. Переосмысление травматичного опыта с акцентом на преодоленные трудности и уже имеющийся внутренний ресурс способствует формированию позитивной идентичности и росту чувства личной эффективности [6].

Важной задачей специалиста является также нормализация эмоционального фона клиента. Длительное пребывание в условиях насилия

нередко приводит к нарушению эмоциональной регуляции — проявляющемуся в резких перепадах настроения, тревожности, стыде, гневе. Подобные состояния препятствуют устойчивому формированию ответственности. В таких случаях эффективны техники эмоциональной саморегуляции: дыхательные упражнения, телесно-ориентированные методики, практики осознанности (mindfulness), способствующие восстановлению контакта с собой и укреплению целостного образа Я.

Следует учитывать и культурно-социальный контекст, особенно в патриархальных обществах, где семейное насилие может восприниматься как «норма» или «личное дело». Женщины в таких условиях часто сталкиваются с внутренним конфликтом между социальными ожиданиями и собственными потребностями. Психологу важно поддерживать клиента в переоценке стереотипов, исходя из её личных ценностей и жизненного контекста, избегая навязывания внешней морали.

Таким образом, восстановление чувства ответственности у жертв домашнего насилия представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, включающий работу с убеждениями, эмоциями, телесными реакциями и жизненными приоритетами. Этот процесс требует не только профессиональных знаний, но и эмпатии, этической чуткости и культурной компетентности со стороны специалиста. Его результатом становится не только осознание своей ответственности, но и готовность действовать, опираясь на внутренние ресурсы и вновь приобретённые навыки.

Процесс принятия решений у жертв домашнего насилия — это ещё один критически важный аспект психологической помощи. Он тесно связан с нарушением базовых психологических механизмов — самооценки, идентичности, саморегуляции и ощущения личных границ. По данным исследований, пострадавшие часто испытывают трудности в осуществлении автономного выбора, склонны к выученной беспомощности [2] и проявляют когнитивные искажения, выражающиеся в заниженной оценке рисков и ограниченном представлении о доступных альтернативах [5].

В этой связи одной из ключевых задач психолога становится создание условий, в которых жертва сможет безопасно осознать свои потребности, чувства и желания, а также наметить путь к действиям, происходящим из внутренней мотивации. По мнению Джудит Херман [4], в условиях травматического опыта восстановление чувства контроля происходит через малые, но самостоятельные действия — выбор времени встречи, одежды или планирование дня. Эти решения укрепляют ощущение влияния на свою жизнь и возвращают субъекту личностную агентность.

Психологическая работа с принятием решений проходит в несколько этапов. На первом этапе происходит установление доверительного

контакта, оценка психоэмоционального состояния клиента и снятие чувства вины и стыда. Специалист помогает клиенту осознать, что ответственность за насилие лежит не на нём, а на агрессоре, и помогает распознать формы манипуляции и контроля. Это позволяет сформировать реалистичную картину происходящего.

На следующем этапе фокус смещается на развитие осознанности и навыков рефлексии, что позволяет перейти от автоматических реакций к осознанному выбору. Применяются техники когнитивной реструктуризации и элементы рационально-эмоциональной поведенческой терапии [2], направленные на замену деструктивных убеждений на более реалистичные. Также используются элементы терапии принятия и ответственности (АСТ), способствующие развитию психологической гибкости и устойчивости к стрессу.

Третий этап включает освоение конкретных моделей принятия решений: «колесо баланса», анализ плюсов и минусов, дерево решений, техника «стула выбора». Эти инструменты помогают жертве научиться принимать осознанные решения, учитывая риски, ресурсы и личные потребности. Особое внимание при этом уделяется внешнему контексту — социально-экономической зависимости, безопасности детей, юридической поддержке — и необходимости системной помощи (социальные службы, приюты, правовая защита).

Немаловажной задачей на этом этапе становится восстановление доверия к себе. Исследования указывают на то, что пострадавшие часто утрачивают чувство компетентности и сомневаются в своих суждениях [7]. Психолог применяет техники позитивной обратной связи, ведение дневников достижений, арт-терапию, а также методы, направленные на интеграцию травматического опыта и восстановление целостности Я.

Дополнительно проводится работа с интернализированными культурными установками, которые мешают жертвам сделать выбор в пользу безопасности и личностного роста. Убеждения вроде «женщина должна терпеть», «развод — это позор» или «семью надо сохранять любой ценой» подлежат мягкому пересмотру, исходя из индивидуальных жизненных целей клиентки и её субъективного видения.

Заключительный этап психологической поддержки направлен на закрепление достигнутых изменений и развитие стратегий устойчивости. Здесь важна внешняя поддержка — группы взаимопомощи, психообразование, работа с близкими — а также развитие навыков самопомощи, критического мышления и способности к самостоятельному наблюдению за собой. Клиенту важно понять, что принятие решений — это не единичный акт, а процесс, в котором ошибки возможны и допустимы.

В итоге, психологическая работа с восстановлением способности к принятию решений у жертв домашнего насилия требует

комплексного, поэтапного и индивидуализированного подхода. Она сочетает когнитивные, поведенческие, телесно-ориентированные и травмофокусированные методы, интегрируя также мультидисциплинарное сотрудничество. Главная цель этой работы — восстановление чувства автономии, самоуважения и способности осознанно управлять своей жизнью.

Восстановление чувства ответственности и способности к принятию решений у жертв домашнего насилия представляет собой сложный и многоуровневый психотерапевтический процесс, включающий работу с травмой, самооценкой, границами личности и когнитивными искажениями. Эффективное сопровождение требует применения разнообразных методик — от когнитивной реструктуризации до техник осознанности и нарративной терапии — с учётом индивидуального и культурного контекста. Ключевую роль играет восстановление субъектности, ощущение контроля над собственной жизнью и формирование устойчивой идентичности, свободной от деструктивных установок.

Психологу важно не только предоставить безопасное пространство для осмысления и изменений, но и деликатно поддержать клиента в процессе интеграции нового жизненного опыта. Конечная цель реабилитационной работы — не просто выход из ситуации насилия, но формирование у клиента устойчивой способности к осознанному, автономному и ответственному управлению собственной жизнью. Это требует эмпатии, профессионализма, гибкости и понимания социальной среды, в которой находится пострадавший человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек А. Т. Когнитивная терапия и эмоциональные расстройства / А. Т. Бек. — СПб.: Питер, 2011. — 384 с.
2. Селигман М. П. Выученный оптимизм: как изменить свою жизнь к лучшему / М. Селигман. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 432 с.
3. Эллис А. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия: основы и практика / А. Эллис, Д. Харпер. — СПб.: Речь, 2006. — 288 с.
4. Herman J. L. Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—From Domestic Abuse to Political Terror / J. L. Herman. — New York: Basic Books, 1992. — 276 p.
5. Walker L. E. The Battered Woman Syndrome / L. E. Walker. — 2nd ed. — New York: Springer Publishing Company, 2009. — 384 p.
6. White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends / M. White, D. Epston. — New York: Norton, 1990. — 224 p.
7. Dutton D. G. The Batterer: A Psychological Profile / D. G. Dutton. — New York: Basic Books, 1995. — 288 p.
8. Hayes S. C., Strosahl K. D., Wilson K. G. Acceptance and Commitment Therapy: The Process and Practice of Mindful Change / S. C. Hayes, K. D.

Strosahl, K. G. Wilson. — 2nd ed. — New York: Guilford Press, 2011. — 402 p.

9. Лидзеева О. В. Особенности когнитивных искажений у женщин, подвергшихся домашнему насилию // Вестник практической психологии. — 2022. — № 3 (28). — С. 54–62.

10. Ваганова О. И. Техники телесно-ориентированной терапии в работе с жертвами насилия // Психологическая помощь. — 2021. — № 2. — С. 27–33.

УДК 811.35

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ГИПОТЕЗА ПРАРОДИНЫ ДЛЯ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХ И СЕВЕРО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ: «КОНКУРЕНЦИЯ» В СВЕТЕ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Пишихачева Ф. Х.

Российская Федерация, г. Нальчик

THE MIDDLE EASTERN ANCESTRAL HOMELAND HYPOTHESIS FOR INDO-EUROPEAN AND NORTH CAUCASIAN LANGUAGES: "COMPETITION" IN THE LIGHT OF LINGUISTIC RESEARCH DATA

F. H. Pshikhacheva

Russian Federation, Nalchik

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2025.1.111.993

АННОТАЦИЯ

Основанием для гипотез, помещающих прародину индо-европейских языков на территории Ближнего Востока в Анатолии или Северной Сирии-Верхней Месопотамии служит наличие в праиндо-европейском языке богатой сельскохозяйственной терминологии, предполагаемые контакты с прасемитскими и пракартвельскими языками. На конкурирующей за прародину в том же регионе позиции находятся прасеверо-кавказские языки. Сопоставление совокупности лингвистических данных в пользу каждого из предположений позволяет практически исключить такой аргумент, как контакты с прасемитским для праиндо-европейского языка. В пользу прародины северо-кавказских языков в названных регионах, помимо богатой сельскохозяйственной терминологии и контактов с прасемитами, имеются дополнительные аргументы. Это контакты с другими афразийскими языками, богатая металлургическая терминология на прауровне, формирование в регионе распространения родственных языков сино-кавказской макросемьи.

ABSTRACT

The hypotheses placing the ancestral homeland of the Indo-European languages on the territory of the Middle East in Anatolia or Northern Syria-Upper Mesopotamia are based on the presence of rich agricultural terminology in the Proto-Indo-European language, and alleged contacts with proto-Semitic and Proto-Kartvelian languages. The Proto-North Caucasian languages are competing for the ancestral homeland in the same region. A comparison of the totality of linguistic data in favor of each of the assumptions makes it possible to practically exclude such an argument as contacts with proto-Semitic for the Proto-Indo-European language. In addition to rich agricultural terminology and contacts with proto-Semites, there are additional arguments in favor of the ancestral homeland of the North Caucasian languages in these regions. These are contacts with other Afrasian languages, rich metallurgical terminology at the proto-level, and the formation of related languages of the Sino-Caucasian macrofamily in the region.

Ключевые слова: прасеверо-кавказские, праиндо-европейские, прасемитские, прародина, ближневосточная гипотеза, анатолийская гипотеза

Keywords: proto-Northern Caucasian, proto-Indo-European, proto-Semitic, ancestral homeland, Middle Eastern hypothesis, Anatolian hypothesis

Введение

Ближневосточные гипотезы индо-европейской (далее и.-е.) прародины предполагают формирование и.-е. общности в Анатолии [17] или центральных областях Ближнего Востока в Северной Сирии - Верхней Месопотамии (далее СС-ВМ) [1]. Как вариант – СС-ВМ и сопредельные области представляются в качестве основного звена на пути миграций праи.-е. [9]. Все модели предполагают в том или ином виде миграции праи.-е. или носителей ранних ветвей и.-е. языков через Кавказ и их длительное широкое присутствие на

Северном Кавказе. В различных моделях ряд соответствующих пространству и времени археологических культур энеолита-бронзового века (Дарквети-Мешоко, майкопско-новосвободненская, лейлатепинская, дольменная) интерпретируются как индо-европейские. Однако ближневосточная гипотеза была подвергнута критике рядом исследователей, в частности Дж. Мэллори [13, 14].

В связи с ближневосточной гипотезой и.-е. прародины нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что те же регионы,

археологические культуры и/или основные маршруты миграции многими исследователями связывается с носителями северо-кавказских (далее с.-к.) языков.

На основании наличия связей между северо-кавказскими и афразийскими (включая семитский) языками на уровне праязыков, А.Ю. Милитаревым и С.А. Старостиным прародина с.-к. языков была локализована в регионе СС-ВМ [12]. На основании сопоставления данных о металлургической терминологии в различных языках, было высказано предположение, что языки населения неолита-энеолита Плодородного полумесяца, включая все восточное побережье Средиземного моря и Месопотамию, принадлежали с.-к. семье или являлись родственными ей [16].

В свою очередь археологические культуры энеолита - раннего бронзового века Западного и Северного Кавказа (Дарквети-Мешоко, майкопскую и др.) с регионом СС-ВМ Убейд-Урукского периода связывали В.А. Трифонов [20], С.Н. Корневский [10] и многие другие видные исследователи – Н.А. Николаева, М.В. Андреева, Р.М. Мунчаев, Ш.Н. Амиров, Т.И. Ахундов, В.А. Махмудова, Н. Мусейбли, А.И. Джопуа, В.А. Нюшков и др.

На основании многочисленных ярких параллелей между культурами древнего и современного населения Северного Кавказа, ранний этап этногенеза западно-с.-к. (адыгских) племен в майкопской культуре видел Е.И. Крупнов [11] и ряд других исследователей, среди которых Г.А. Меликишвили, В.И. Марковин, З.В. Анчабадзе, Р.Ж. Бетров, Н.Г. Ловпаче, А.А. Максидов, Б.Х. Бгажноков, Фоменко В.А. и др. [3, 4].

Таким образом, праи.-е. и прас.-к. общности оказываются «конкурентами» за географические, хронологические рамки прародины и языковую интерпретацию соответствующих археологических культур. «Конкуренция» праи.-е. и прас.-к. не ограничивается регионом Анатолия-СС-ВМ и майкопской культурой. Такая же ситуация в отношении новосвободненских памятников, дольменной культуры, культур неолита-энеолита Анатолии и Европы. Данные обстоятельства диктуют необходимость одновременного рассмотрения вопросов, связанных с определением прародины индо-европейских и северо-кавказских языков и аргументов в пользу каждого из предположений.

Природно-климатические условия региона формирования и связи праиндо-европейского языка

В поисках и.-е. прародины исследователи, как правило, ориентируются на отраженные в лексике природно-климатические, культурно-технологические условия, языковое окружение общества, в которой формировался язык.

Природно-климатическая зона формирования праи.-е. языка, исходя из лексики, подразумевала 4 сезона в году, наличие разнообразного горного ландшафта, включавшего высокие горы, скалы.

Реки, преимущественно, небольшие, леса с хвойными и широколиственными растениями. Фауну представляли крупные и мелкие травоядные и хищные животные [5, 1, 18]. В.А. Дыбо и А.В. Дыбо акцентируют внимание на наличие по близости большого озера либо моря с песчаным берегом [5, 21].

Основными аргументами в пользу и.-е. прародины в Западной Азии Дж. Мэллори называет богатую сельскохозяйственную терминологию и предполагаемые связи праи.-е. с прасемитским и картавельским языками. Недостатки азиатской гипотезы он видит в проблемах, связанных с хронологией возникновения праи.-е. языка и распространения его ветвей, а так же указывает на неиндоевропейское окружение в регионе предполагаемой прародины [14].

Сельскохозяйственная лексика праи.-е. языка включала термины для крупного и мелкого рогатого скота: 'бык', 'корова', 'коза', 'козленок', 'овца', 'баран', 'свинья' и др.; культурные растения – 'ячмень', 'пшеница', 'рожь', 'овес' и др.; орудия – 'армо', 'плуг'. Присутствовал термин для колеса/колесного транспорта [1, 18].

Большинство приведенных Г. Мёллером и.-е. - семитских параллелей В.М. Иллич-Свитыч [7] охарактеризовал как фантастические и маловероятные. Однако ряд сближений, по его мнению, весьма вероятны. Среди них термины со значением 'семь', 'звезда', 'господин', 'запирать, ключ', 'мёд', 'вино', 'коза/козленок', 'бык/корова', 'жернов', 'торговать', и некоторые другие. Для объяснения этих сближений В.М. Иллич-Свитыч предложил ряд вариантов: 1) заимствования из и.-е. в семитский, 2) заимствования из третьего языка в и.-е. и семитский, 3) заимствования из семитского в и.-е. Первый вариант был отвергнут на основании отсутствия удовлетворительной этимологии для этих терминов исходя из индоевропейских средств. Вторую возможность – наличие третьего языка – В.М. Иллич-Свитыч отклонил на основании того, что такой язык не установлен, а картавельский и шумерский не подходили по ряду причин. В качестве рабочей гипотезы В.М. Иллич-Свитыч оставил вариант заимствований из семитского в индо-европейский, но рекомендовал воздержаться от поспешных выводов нелингвистического характера [7].

Ряд параллелей между и.-е. и семитскими языками был приведен Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым. Среди них термины со значением 'бык', 'коза', 'овца', 'обезьяна', 'зерно', 'хлеб', 'жернов', 'мёд', 'топор', 'секира', 'ключ', 'сосуд', 'покупать/торговать', 'звезда', 'пчела', 'золото', 'поле-нива' и др. [1].

В отношении индоевропейско-картавельских контактов, С.А. Старостин отмечает (со ссылкой на Г.А. Климова) список наиболее достоверно установленных заимствований [22]. Ряд сближений был приведен Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [1], однако эти результаты были подвергнуты критике И.М. Дьяконовым [6].

Особое значение в вопросах прародины и.-е. языков приобрело установленное С.А. Старостиным существование тесных контактов между праиндо-европейским и прасеверо-кавказским языками [18]. На этом основании С.А. Старостин полагал, что прародину индо-европейских языков следует искать в непосредственной близости к северо-кавказским языкам [22]. Результаты исследований С.А. Старостин обозначили как дополнительные ориентиры, так и внесли сложности в вопросы, связанные с локализацией и.-е. прародины.

В этой связи целесообразно рассмотреть ряд характеристик прасеверо-кавказской общности, которая вытекает из лексики прасеверо-кавказского языка.

Характеристики прасеверо-кавказской общности и связи прасеверо-кавказского языка.

С.А. Старостин относит начало распада прасеверо-кавказской языковой семьи на западные с.-к. (абхазо-адыгские) и восточные с.-к. (нахско-дагестанские) языки к середине 6-го – началу 5-го тыс. до н.э. К рубежу 5-4-го – началу 4-го тыс. до н.э. это были уже самостоятельные языки [19]. А.С. Касьян приводит дату распада прас.-к. языка ~3800 г. до н.э. [8].

Учитывая существенный ряд параллелей в праи.-е. и прас.-к. лексике, отражающей фауну и флору [18], природно-климатические условия прародин и.-е. и с.-к. языков были близки.

В прас.-к. языке С.А. Старостиным была выделена обширная терминология, относящаяся к земледелию, скотоводству, металлургии, орудиям и предметам производства. Среди них термины со значением 'бык', 'корова', 'теленки', 'коза', 'овца', 'баран', 'лошадь', 'ярмо', 'уздечка', 'коса', 'соха', 'жаты', 'жернов', 'посо', 'ячмень', 'сено', 'свино', 'золото', 'серебро', 'медь', 'железо', 'ковать', 'шапка', 'повозка' и др. Отмечено, что прас.-к. лексика включала не приведенные в статье термины, связанные с домостроением, названия плодовых деревьев, полную систему числительных от 1 до 100 [19].

А.Ю. Милитаревым и С.А. Старостиным установлены контакты между «...семитскими, кушитскими, возможно – чадскими и восточнокавказскими, ливийско-гуанскими и западнокавказскими языками». По оценке, контакты между языками осуществлялись на протяжении (или на каких-то отрезках) периода V–IV тыс. до н.э. [12].

Контакты между с.-к. и шумерским языками можно предположить из наличия в шумерском заимствованных из с.-к. языков слов со значением «яблоко» и «осел» [18].

С.А. Старостин приводит ряд сближений между с.-к. и картвельскими языками, представляющими несколько слоев [22]. Тем не менее, А.С. Касьян показывает отсутствие надежных подтверждений предполагаемых контактов пракартвельского и непосредственно прас.-к., помимо заимствований в пракартвельский из языка, близкого прапахскому [8].

Особого внимания заслуживают контакты между прас.-к. и праи.-е. языками и особенности этих контактов, установленные С.А. Старостиным [18]. Параллели в лексике относились к фауне, флоре, производящей деятельности и др. В праи.-е. из прас.-к. была заимствована терминология, относящаяся к земледелию, скотоводству, единственный в праи.-е. термин для металла, обозначения для колесного транспорта, лошади/осла и др. Контакты происходили еще на уровне праязыков в эпоху развитого переднеазиатского неолита. Учитывая предполагаемое время распада праязыков (праи.-е. – около 5-4-го тыс. до н.э. и прас.-к. – рубеж 6-5-го тыс. до н.э.), период контактов был отнесен к началу 5-го тыс. до н.э. Характер связей показывал, что отношения между языками не являлись простыми контактами и речь могла идти только о субстратных отношениях, когда праиндоевропейская общность наложилась на некоторый северокавказский диалект. Важным выводом С.А. Старостина является то обстоятельство, что с праи.-е. контактировал не сам прас.-к. язык, а некий его диалект, поскольку в исходной прасеверокавказской системе отсутствуют «индоевропеизмы». Отмечается, что самым ранним пластом и.-е. заимствований в с.-к. языках являлись несколько древних «индоиранизмов» (из древнеиндийско-авестийской лексики) в восточнокавказских языках. Следующий пласт составляли «иранизмы», проникшие с первых веков нашей эры из среднеперсидских, новоперсидских и осетинского в восточнокавказские языки. Последним пластом «индоевропеизмов» в с.-к. языках явились многочисленные заимствования из современного русского языка. Отмечено, что «В целом мы должны констатировать, что пока надежные индоиранские этимологии каких бы то ни было западнокавказских корней отсутствуют.». Было установлено, что заимствование имело направление из прас.-к. в праи.-е. [18]. Т. о., уровни технологического развития праи.-е. и прас.-к. обществ были сопоставимы. Из направления заимствования вытекает, что культурная терминология (сельскохозяйственная, термины для металла и колеса) присутствовала в прас.-к. языках раньше, чем в праи.-е.

Особое значение имеет то обстоятельство, что практически все приводимые в качестве индоевропейско-семитских параллелей термины обнаруживаются на прасеверо-кавказском уровне и имеют надежную северо-кавказскую этимологию [19, 18, 15]. Кроме того, для терминов из этого ряда, относящихся к скотоводству, земледелию и другим сферам деятельности, С.А. Старостиным было установлено заимствование из прас.-к. в праи.-е. [18]. Здесь необходимо отметить, что большинство исследований семито-индоевропейских связей относятся к периоду, когда еще не существовало этимологических словарей северо-кавказских языков, не были разработаны материалы по северокавказско-индоевропейским связям, связям

северо-кавказских языков с древними языками Ближнего Востока. Следовательно, в этих работах не могли быть учтены данные, появившиеся позже. Соответственно, северо-кавказские языки не рассматривались в качестве «третьего» языка, из которого лексика могла быть заимствована как в семитский, так и в праиндо-европейский.

Языки Ближнего Востока в энеолите-раннем бронзовом веке.

В Анатолии исторически засвидетельствованы предшествовавший хеттскому хаттский язык и в Южнокавказско-Сирийско-Месопотамском регионе хуррито-урартские языки. Эти языки относят к автохтонным для Анатолии и Южного Кавказа. Свидетельств их контактов с праи.-е. не отмечалось. В настоящее время родство хаттского, хуррито-урартских и северо-кавказских (абхазо-адыгских и нахско-дагестанских) языков в рамках сино-кавказской макросемьи не вызывает сомнений [8].

Появление шумеров в Месопотамии И.М. Дьяконов отнёс к концу V-го – началу IV-го тыс. до н.э. В шумерском языке И.М. Дьяконовым был выделен субстрат из языков предшествовавшего населения, получивших условное название «прототигритский» и «протоевфратский». Из них в шумерский были заимствованы топонимы, имена людей и божеств, термины, связанные с металлургией, земледелием и ремеслами. И.М. Дьяконов нашел возможным отождествить названные языки с племенами хассунской и халафской культур [6], т.е. с регионом СС-ВМ. «Прототигритский» и «протоевфратский» не были идентифицированы И.М. Дьяконовым как афразийские, индо-европейские или близкие им. С позиции принадлежности к с.-к. языкам они не рассматривались, возможно, ввиду отсутствия на тот момент этимологических словарей с.-к. языков.

А.С. Касьян приводит результаты анализа слов из списка Сводеша для шумерского и хуррито-урартского языков. Результаты не подтвердили однозначно родства между языками, но позволили предположить весьма специфические контакты между ними, поскольку сближения относятся к базисной лексике [8].

Семиты, по мнению И.М. Дьяконова, появились на территории Передней Азии в течение V-IV тыс. до н.э. Распад прасемитского им отнесен к середине IV тыс. до н.э. [6]. Эта хронология показывает, что термины, относящиеся к скотоводству и земледелию, вряд ли могли быть привнесены семитскими мигрантами в древнейший сельскохозяйственный центр. А.С. Касьян обращает внимание на отсутствие в прасемитском и остальных афразийских языках на прауровне металлургической терминологии [8].

Не нашли подтверждения предположения о семито - индоевропейских связях. В этом отношении А.С. Касьян отмечает: *«Главным аргументом в пользу анатolianской локализации и.е. прародины являются лексические заимствования между праиндоевропейским и прасемитским, но в действительности эти*

изоглоссы представляются фикцией. См., напр., список традиционных прасемитских заимствований в праиндоевропейский (Dolgopolsky 1989 с лит.) и суровую критику этих сближений в Дьяконов 1982а, Дьяконов 1982b». Лексические единицы из предлагаемого С.А. Старостиным списка семито-индоевропейских сближений были отнесены им либо к случайным совпадениям, либо к общему ностратическо-афразийскому наследию [8].

В отношении возникновения праи.-е. языков в ареале присутствия хаттского и хуррито-урартского и автохтонности хеттского в Анатолии, Дж. Мэллори высказал следующее: *«Хаттский и хурритский языки кардинально отличаются от индоевропейских и не дают никаких оснований предполагать, что они могли существовать в кругу родственных диалектов в начале неолита. Хеттологи, исходя из лингвистических соображений и свидетельств хеттских текстов, считают хеттов пришельцами, а не автохтонами в Анатолии»* [13].

Вырисовывающаяся языковая мозаика на территории Анатолии -Южного Кавказа - Северной Сирии - Верхней Месопотамии в энеолите-раннем бронзовом веке состояла из автохтонных языков сино-кавказской семьи – хаттского и хуррито-урартского, неиндоевропейских «прототигритского» и «протоевфратского», пришлых неиндоевропейских семитских и шумерского. Все они не предоставляют убедительных данных в отношении контактов с праи.-е. Единственным языком, с которым контакты праи.-е. не исключаются полностью – это пракартвельский. Однако картвельский сам является изолятом в регионе, время и место его возникновения не установлено.

Заключение

Таким образом, сопоставление аргументов в пользу прародины в Анатолии-СС-ВМ для праи.-е. и прас.-к. приводит к следующим результатам. Прас.-к. имел весьма богатую сельскохозяйственную терминологию. Более того – культурная терминология связанная с сельским хозяйством в праи.-е. являлась заимствованной из прас.-к. Следовательно, она присутствовала в прас.-к. раньше, чем в праи.-е. Учитывая хронологию, эта терминология, скорее всего, возникла в прас.-к. языке. Это говорит о формировании праи.-е. языка вне первичных и самых ранних очагов земледелия и скотоводства, но вполне согласуется с предположением о возникновении прас.-к. языка в регионе Плодородного полумесяца.

Контакты праи.-е. с семитскими не нашли подтверждения, тогда как с.-к. языки на прауровне имели контакты не только с прасемитским, но и с другими афразийскими языками.

Связи пракартвельских и праи.-е. языков остаются не до конца ясными. Контакты с пракартвельских с прас.-к. не нашли убедительных подтверждений. При этом остается открытым вопрос в отношении места возникновения самих картвельских языков.

В пользу предположений о с.-к. прародине в Анатолийско-Левантийско-Месопотамском регионе можно привести дополнительные аргументы. В первую очередь это присутствие в сопредельных регионах автохтонных сино-кавказских языков (хаттского и хуррито-урартского) и неиндоевропейских дошумерских языков в СС-ВМ. Шумерский имел специфические связи с хуррито-урартским, что увеличивает вероятность сино-кавказской принадлежности дошумерских языков. В этих обстоятельствах формирование прас.-к. языка в непосредственной близости к родственным языкам выглядит логичным, а «прототигритский» и «протоевфратский» сами могут оказаться с.-к. или относиться к с.-к. семье.

Отсутствие контактов ранних языков Анатолийско - Левантийско -Месопотамского региона и Южного Кавказа с праи.-е., исключает эти области из претендентов на прародину и.-е. языков, из числа регионов длительного присутствия и.-е. диалектов и основных маршрутов миграций носителей праи.-е. языка и его ветвей в ранние периоды.

Прас.-к. язык является единственным языком, обладавшим богатой металлургической терминологией на прауровне. При этом время формирования и существования прас.-к. языка соответствует эпохе зарождения металлургии. В праи.-е., семитских и шумерском металлургическая терминология являлась заимствованной. Эти обстоятельства ставят прас.-к. в позицию единственного претендента на возникновение и присутствие в раннем энеолите в регионе, являвшемся первичным очагом металлургии – Плодородный полумесяц и прилежащие территории.

Культуры энеолита-бронзового века Западного и Северного Кавказа связаны происхождением с культурами Южного Кавказа и СС-ВМ Убейд-Урукского периода. Отсутствие заимствований в северо-кавказских языках из ранних индо-европейских диалектов исключает миграции индо-европейцев через Кавказ в энеолите и раннем-среднем бронзовом веке, а так же какое либо длительное присутствие ранних индо-европейских групп на Северном Кавказе. Ни одна из миграций в энеолите и раннем-среднем бронзовом веке на Западный и Северный Кавказ не осуществлялась из региона распространения и.-е. языков. Более того, отсутствие и.-е. заимствований в с.-к. языках говорит о том, что население степного Предкавказья являлось неиндоевропейским по языку. С наибольшей вероятностью оно говорило на сино-кавказских языках, возможно, родственных енисейским. Следовательно, закономерно предположить, что население археологических культур энеолита-бронзового века Западного и Северного Кавказа являлось северо-кавказским по языку.

В настоящее время, с учетом направления заимствования из прас.-к. в праи.-е. и контактов между прасеверо-кавказскими и афразийскими

праязыками, с высокой степенью вероятности можно предположить, что северо-кавказские языки могли быть тем «третьим» языком из которого осуществлялись заимствования как в семитский так и в индо-европейский. В некоторых случаях он мог являться промежуточным звеном между этими языками.

Таким образом, совокупность данных свидетельствует в пользу сино-кавказской принадлежности автохтонных языков Южного Кавказа, западных и центральных областей Ближнего Востока, включая всю Анатолию, Левант и Месопотамию. Следовательно, на данном этапе можно отметить, что предположения о распространении прасеверо-кавказского языка и его диалектов в СС - ВМ выглядят более аргументированными, чем гипотезы и.-е. прародины или раннего индо-европейского присутствия в этом регионе. С наибольшей вероятностью население Плодородного полумесяца и сопредельных территорий в неолите - энеолите - раннем бронзовом веке говорило на языках северо-кавказской семьи.

Учитывая глубокие различия между ностратическим индо-европейским и сино-кавказскими языками, отсутствует возможность поместить и.-е. прародину в зону распространения сино-кавказских языков. В этой связи наиболее реалистичной выглядит модель, в которой праи.-е. общность сформировалась в Юго-Восточном Прикаспии, в соответствии с предположением А.Г. Козинцева. Здесь, в Северном Иране - Южном Туркменистане возникли древнейшие земледельческие очаги, составлявшие восточное крыло ближневосточной неолитической культурно-исторической общности. Предполагается, что эти культуры возникли в результате миграции в регион земледельцев и скотоводов Анатолии и Загроса. Они могли быть представлены носителями диалекта прас.-к. языка, вступившего в контакт с праи.-е. Кроме того, эта область могла быть периферией распространения ностратических диалектов, основное ядро которых находилось в Южной и Юго-Восточной Азии. Здесь так же могло ощущаться влияние афразийских языков, благодаря прибрежным и внутриматериковым коммуникационным маршрутам. Дальнейшие миграции и.-е. групп в северном направлении, судя по всему, осуществлялись через Восточный Прикаспий в соответствии с предположениями Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Единственными и.-е. языками, мигрировавшими с прародины в Малую Азию, были анатолийские. По совокупности данных это событие имело место в конце III-го тыс. до н.э. и было связано с развитием крупных городских торговых центров, таких как Каниш, где возникали поселения купцов и ремесленников из многих, в том числе отдаленных, регионов.

Список литературы

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейская прародина и расселение

индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // *Journal of Language Relationship* Вопросы языкового родства № 9. 2013. С. 109–136.

2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. I-II. Тбилиси. Издательство Тбилисского Университета. 1984. 1330 с.

3. Гучапшева Л.Х. Этноархеологическое изучение памятников эпохи бронзы Центрального Предкавказья (на примере Камлюкского кургана) // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2024. № 2. С. 16-47. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47. EDN: AAAJJU.

4. Гучапшева Л.Х., Фоменко В.А. Проблема этнической интерпретации археологических культур и этногенез абхазо-адыгов // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2024. № 4. С. 190-205. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-190-205. EDN: DIGMES.

5. Дыбо В.А. ЯЗЫК - ЭТНОС - АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // *Глобализация - этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы*. Кн. 1. М., 2006. С. 75-94.

6. Дяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов II // *Вестник древней истории* №4 (162). Москва, «Наука». 1982. С. 11-25.

7. Иллич-Свитыч В.М. Древнейшие индоевропейско- семитские языковые контакты // *Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. Отв. ред. В.Н. Топоров. Москва. «Наука», 1964. С. 3-12.

8. Касьян А.С. Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики.: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2015. 445с.

9. Козинцев А.Г. Новые лексикостатистические данные о Южном адстрате в праиндоевропейском языке // *Журнал: Этнография*, №3 (5). 2019. С. 122-149.

10. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии: монография. М.: Наука, 2004. 243с.

11. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. Москва: Издательство Академии Наук СССР. 1957. 176 с.

12. Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика / Старостин С.А. Труды по языкознанию. Москва: Языки славянских культур. 2007. 924с. С. 256-264.

13. Мэллори Дж. П. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАРОДИНЫ // *Вестник древней истории*. № 1. 1997. Москва, «Наука». 1997. С. 61-82.

14. Мэллори Дж.П. "Индоевропейский феномен: лингвистика и археология". История человечества, том. 2: С Третьего тысячелетия по Седьмому веку до нашей эры., ред. А.Х. Дани и Дж. П. Мохен. Париж: ЮНЕСКО; Лондон / Нью-Йорк: Routledge, 1996. Р. 80-91; 2-е изд., 2003. С. 239-265.

15. Николаев С.Л., Старостин С. А. Этимологический словарь северно-кавказских языков. Москва 1994г./ Старостин С.А., Старостин Г.С. Проект этимологической базы данных Вавилонская Башня: Севернокавказская этимология <https://starlingdb.org/indexru.htm> <https://starlingdb.org/cgi-bin/main.cgi?flags=wygnnnl> <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&basename=%2fdata%2fcauc%2fcaucet>

16. Пшихачева Ф. Языковая принадлежность населения Леванта и Месопотамии в эпоху зарождения металлургии // *НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ): Том 1 №105* (2024). С.71-74. DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.105.949

17. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. 1989. 398с.

18. Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы / Старостин С.А. Труды по языкознанию. Москва. 2007. 924с. С.312-358

19. Старостин С.А. Культурная лексика в общесевернокавказском словарном фонде / Старостин С.А. Труды по языкознанию. Москва: Языки славянских культур. 2007. 924с. С. 289-311.

20. Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // *Краткие сообщения ОТКЗ института археологии АН СССР*. №192. М.: Наука. 1987. С. 18-26.

21. Dybo A. Language and archeology: some methodological problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes // *Journal of Language Relationship* (Вопросы языкового родства). № 9, 2013. С. 69–92.

22. Starostin S.A. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships. / Старостин С.А. Труды по языкознанию. Москва: Языки славянских культур. 2007. 924с. С. 806-820.

Ежемесячный научный журнал

Том 1 №111/2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID:559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психологии социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID:660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID:806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID:762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID:9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ.-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID:1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация безопасности движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID:427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID:560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID:330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID:293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID:573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук.

Член-

корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID:410791

Профессор факультета психологии Гуманитарного-

прогностического института, Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID:416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практики управления факультета государственного муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВОМ ГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID:391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID:193376

Профессор кафедры гражданского права и юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID:357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID:681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID:1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управления персоналом психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID:425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID:596021

Заведующая кафедрой психологии, Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-

Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID:493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедры мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID:750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID:450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID:1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID:652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID:338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровья ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID:666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей,

кафедранелекарственныхметодовтерапиииклиническойфизиологии(Москва),доктормедицинскихнаук.

ИльясовОлегРашитович

AuthorID:331592

Уральскийгосударственныйуниверситетпутейсообщения,кафедратехносфернойбезопасности(Екатеринбург),докторбиологическихнаук

КоссВикторВикторович

AuthorID:563195

Российскийгосударственныйуниверситетфизическойкультуры,спорта,молодёжиитуризма,НИИспортивноймедицины(Москва),кандидатмедицинскихнаук.

КалининаМаринаАнатольевна

AuthorID:666558

Научныйцентрпсихическогоздоровья,Отделпоизучениюпсихическойпатологиираннегодетскоговозраста(Москва),кандидатмедицинскихнаук.

СырочкинаМарияАлександровна

AuthorID:772151

Пфайзер,вакцинымедицинскийотдел(Екатеринбург),кандидатмедицинскихнаук

ШукшинаЛюдмилаВикторовна

AuthorID:484309

Российскийэкономическийуниверситетим.Г.В.Плеханова,Главнойвуз:РЭУим.Г.В.Плеханова,Центргуманитарнойподготовки,Кафедрапсихологии(Москва),докторфилософскихнаук

ОленевСвятославМихайлович

AuthorID:400037

Московскаягосударственнаяакадемияхореографии,кафедрагуманитарных,социально-экономическихдисциплииненеджментаисполнительскихискусств(Москва),докторфилософскихнаук.

ТерентийЛивиуМихайлович

AuthorID:449829

Московскаямеждународнаяакадемия,ректорат(Москва),докторфилологическихнаук

ШкаренковПавелПетрович

AuthorID:482473

Российскийгосударственныйгуманитарныйуниверситет(Москва),доктористорическихнаук

ШалагинаЕленаВладимировна

AuthorID:476878

Уральскийгосударственныйпедагогическийуниверситет,кафедратеоретическойиприкладнойсоциологии(Екатеринбург),кандидатсоциологическихнаук

ФранцСветланаВикторовна

AuthorID:462855

Московскаягосударственнаяакадемияхореографии,научно-методическийотдел(Москва),кандидатфилософскихнаук

ФранцВалерияАндреевна

AuthorID:767545

Уральскийфедеральныйуниверситетим.первогоПрезидентаРоссииБ.Н.Ельцина,Институтгосударственногоуправленияипредпринимательства(Екатеринбург),кандидатфилософскихнаук

ГлазуновНиколайГеннадьевич

AuthorID:297931

Самарскийгосударственныйсоциально-педагогическийуниверситет,кафедрафилософии,историиитеориимировойкультуры(Москва),кандидатфилософскихнаук

РомановаИлонаЕвгеньевна

AuthorID:422218

Гуманитарныйуниверситет,факультетсоциальнойпсихологии(Екатеринбург),кандидатфилософскихнаук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru
Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна
Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.